

МИССИЯ "СПАСЕНИЕ"

Ярослав Бриславский

АВАНГАРД

Ярослав Бриславский

Миссия «Спасение». Авангард

«Автор»

2026

Бриславский Я. А.

Миссия «Спасение». Авангард / Я. А. Бриславский — «Автор»,
2026

Земля — это тонущий корабль. Ресурсы на исходе. Проект «Авангард» — это отчаянная попытка найти сушу в океане пустоты. Экспериментальный двигатель, девятнадцать членов экипажа и приказ: найти пригодную для жизни планету любой ценой. Это история не о героях в сияющих доспехах. Это история о людях, запертых в консервной банке посреди бесконечного «ничто», где любая ошибка означает смерть. Они готовы ко всему: к радиации, бунтам, безумию. Но они не готовы к тому, что обнаружат в пункте назначения. Возможно, некоторые двери во Вселенной лучше не открывать.

© Бриславский Я. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Эпоха Разумного Дефицита	8
Глава 2. Знакомство	21
Глава 3. Гравитационный колодец	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ярослав Бриславский

Миссия "Спасение". Авангард

Книга 1 «Авангард»

Пролог

2070 год, космический корабль «Надежда», первый корабль класса «Экסodus», глубины далекого космоса, координаты неизвестны.

Капитан Александр Кросс смотрел на центральный экран мостика, чувствуя, как холодный пот стекает по спине под синтетическим кителем. То, что он видел, не должно было существовать. Звезды исчезли. Их поглотило нечто, что навигационная система пометила как «Гравитационная аномалия типа Альфа», но экипаж уже дал этому имя: Колодец.

Это был разрыв в ткани пространства. Гигантская воронка, пульсирующая неправильным, болезненным фиолетовым светом. Она словно дышала, и каждый её «выдох» вызывал рябь на обшивке корабля.

– СИСТЕМА, – голос Кросса был хриплым. – Доложить статус двигателей.

– МАРШЕВЫЕ ДВИГАТЕЛИ ОТКЛЮЧЕНЫ, – отозвался корабельный ИИ «Орион» своим бесстрастным баритоном. – ВНЕШНЕЕ УПРАВЛЕНИЕ ЗАБЛОКИРОВАНО. МЫ НАХОДИМСЯ В ЗАХВАТЕ ГРАВИТАЦИОННОГО ЛУЧА НЕИЗВЕСТНОЙ ПРИРОДЫ.

– Захват луча? – старший помощник Елена Васкес обернулась от тактической консоли. Её руки дрожали над голографической клавиатурой. – Александр, это не аномалия. Это оружие. Нас тянут внутрь.

Кросс ударил кулаком по подлокотнику.

– Нас специально сюда привели. Сбой навигации три недели назад... это был не сбой. Кто-то переписал код. Кто-то хотел, чтобы мы нашли это место.

Внезапно корабль содрогнулся, словно гигантский молот ударил по корпусу. Свет на мостике мигнул и сменился аварийным красным.

Вой сирены пронзил воздух, заглушая гул вентиляции и двигателей.

– ВНИМАНИЕ! НАРУШЕНИЕ ЦЕЛОСТНОСТИ ПЕРИМЕТРА! – голос «Ориона» стал громче. – РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ ПО ЛЕВОМУ БОРТУ. СЕКЦИЯ ДВА. ПАЛУБЫ ОДИН, ТРИ И ПЯТЬ.

– Палуба три? – Елена побледнела. – Там же жилые модули смены «Б»! Там четыре тысячи человек!

Она лихорадочно застучала по клавишам, пытаясь вызвать видеосвязь.

– Отсек 3-Б, ответьте! Лейтенант Чен, ответьте!

Экран зашипел помехами. Сквозь статический шум прорвались крики. Звуки рвущегося металла. Выстрелы.

– ...они здесь! – голос Чена был искажен паникой. – Они прожгли обшивку! Они уже на четвертой палубе! Господи, они быстрые! Запирайте шлюзы! ЗАПИРАЙТЕ ВСЁ!

Связь оборвалась.

– Кто «они»? – прошептал Кросс.

На соседнем мониторе вспыхнула схема корабля. Красные точки – пробоины – множились с пугающей скоростью. Что-то прорывалось внутрь, и оно шло не через шлюзы, а прямо сквозь броню.

– Орион, активировать защитные протоколы! Турели внутреннего периметра – огонь на поражение по любым неопознанным объектам!

– ИСПОЛНЯЮ.

Кросс повернулся к экипажу мостика. Люди смотрели на него с надеждой и ужасом. Штурман, связист, инженер – они ждали приказа, который спасет их. Но Кросс знал: спасения для корабля уже нет.

– Слушать мою команду! – его голос перекрыл сирену. – Инициировать протокол «Ковчег-Эвакуация». Отключить капсулы гибернации в грузовом отсеке! Разбудить спящих невозможно, времени нет. Погрузить крио-модули в тяжелые транспортники!

– Капитан, – вмешался главный инженер с заднего поста, – транспортники не успеют стартовать! Гравитация Колодца слишком сильна!

– Тогда используем челноки! Все, кто на ногах – к спасательным капсулам и шаттлам! Живо!

Он включил общую связь.

– ВНИМАНИЕ ВСЕМУ ЭКИПАЖУ. ГОВОРIT КАПИТАН КРОСС. КОРАБЛЬ ПОТЕРЯН. ПОВТОРЯЮ: КОРАБЛЬ ПОТЕРЯН. ВСЕМ ПЕРСОНАЛУ ПРОСЛЕДОВАТЬ К АВАРИЙНЫМ ШЛЮЗАМ. НЕ БЕРИТЕ ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ. СПАСАЙТЕ ЖИЗНИ. ЭТО НЕ УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА.

На экранах внутреннего наблюдения начался хаос. Люди в коридорах бежали, толкая друг друга. Кто-то тащил детей. Кто-то пытался спасти планшеты с данными.

Но Кросс заметил кое-что странное.

На камере шестой палубы группа инженеров не бежала. Они стояли у иллюминатора и смотрели на Колодец. Спокойно. Без паники.

– Что они делают? – пробормотал он. – Эй, вы! В третьем секторе! Бегом к шлюзам!

Один из инженеров медленно повернулся к камере. Он улыбнулся и помахал рукой. А потом развернулся к терминалу управления и стал что-то быстро на нем набирать.

– Орион! Блокируй шестую палубу! – крикнул Кросс, но было поздно.

– ОТКАЗ В ДОСТУПЕ. УПРАВЛЕНИЕ ШЕСТОЙ ПАЛУБОЙ ПЕРЕХВАЧЕНО С ВНУТРЕННЕГО ТЕРМИНАЛА.

Инженер на экране закончил работу. Несколько внутренних шлюзов по шестой палубе теперь не управлялись с мостика и были распахнуты, а эта группа людей направилась в сторону одного из коридоров, который вел к транспортным челнокам.

– Они не сошли с ума, – прошептал Кросс, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом. – Они как будто... подчиняются зову.

Корабль снова тряхнуло. На этот раз сильнее. Гравикомпенсаторы не справились, и Кросса швырнуло на пульт, выбив из легких воздух.

Сквозь кровавую пелену он смотрел на ревущие датчики перегрузки гиперпривода, которого по проекту на «Надежде» быть не должно – кто-то дал им эту технологию, кто-то нашептал инженерам формулу модификации и вложил координаты прыжка прямо в ядро, зная, что это билет в один конец.

Фиолетовое сияние затопило рубку сквозь разорванную броню, и Кросс, глядя на показатели модифицированного ядра, с ужасом понял: неизвестные «благодетели» не дали им крылья – они просто гарантировали, что жертва не заблудится.

Глава 1. Эпоха Разумного Дефицита

Москва, январь 2137 года.

Рассвет над мегаполисом был похож на синяк, медленно расплывающийся по больному телу. Сквозь плотную, слоистую пелену смога, висящего над городом уже полвека, солнце пробивалось лишь как мутное багровое пятно. Оно не грело, а лишь подсвечивало грязно-серые бока исполинских жилых ульев, уходящих вершинами в низкую облачность.

Мир внизу был монохромным. Гигантские жилые ульи, обшитые фотопоглощающими панелями, тянулись к небу бесконечными рядами серых зубов. Между ними, на высоте пятидесятого этажа, скользили потоки поездов на магнитной подушке – бесшумных, быстрых, похожих на капли ртути. Внизу, у самого основания башен, где воздух был плотным и влажным от переработанных испарений, копошилась жизнь: сервисные дроиды латали трещины в бетоне, а редкие пешеходы, закутанные в фильтрационные плащи, спешили к станциям метро, стараясь не делать глубоких вдохов.

Здесь не было хаоса. Не было пробок, аварий, кричащей рекламы или уличной преступности. Эпоха Хаоса закончилась полвека назад, уступив место Эпохе Разумного Дефицита.

Внизу, в ущельях улиц, воздух был густым и тяжелым. Он пах озоном, переработанным пластиком и пылью, которая никогда не оседала. Люди здесь передвигались перебежками – от входа в метро до шлюза офисного центра, пряча лица за воротниками фильтрационных плащей или прозрачными масками респираторов.

Роман Ремизов стоял у окна своей лаборатории на семьдесят втором этаже башни "Био-Синтез". Отсюда, с высоты птичьего полета, мир казался почти спокойным. Бесконечный поток маглевов – магнитных поездов – бесшумно скользил по эстакадам, соединяя районы города, как вены. Но Роман знал: это спокойствие было обманчивым. Это было спокойствие человека, который знает, что смертельно болен, и просто ждет конца, принимая обезболивающее.

Ему было тридцать шесть, но выглядел он старше. Глубокие морщины залегли у глаз – печать хронического недосыпа, свойственная всему поколению ученых двадцать второго века. В его темных волосах, коротко стриженных по уставу научного корпуса, уже пробивалась ранняя седина.

Роман отвернулся от окна и подошел к рабочему столу. В центре лаборатории, в герметичном боксе, зеленела слабая надежда – модифицированная культура цианобактерий.

– Отчет по инкубации, – произнес он, потирая уставшие глаза.

– Культура Анабаена-89 демонстрирует замедление роста на 14%, – отозвался синтетический голос лабораторного ИИ. Это была стандартная система "Нексус", установленная во всех госучреждениях. – Причина: недостаточная концентрация фосфатов в питательном растворе.

– Добавь еще пять миллиграммов, – скомандовал Роман.

– Отрицательно. Лимит реагентов на текущий квартал исчерпан. Запрос на дополнительные ресурсы отклонен Департаментом Распределения.

Роман сжал кулаки. В этом был весь 2137 год. Департамент Распределения. Лимиты. Квоты. Эпоха Разумного Дефицита, как называли её в учебниках истории, наступила не сразу. Сначала были Ресурсные Войны 2090-х, когда страны дрались за остатки пресной воды и редких металлов. Потом пришло Великое Перемирие – не от доброй воли, а от истощения. Человечество поняло: либо мы перестанем стрелять и начнем считать каждую крошку, либо умрем все.

Так появился новый мировой порядок. Страны сохранили флаги и гимны, но реальная власть перешла к наднациональным советам и корпорациям, которые контролировали производство синтетической еды, очистку воды и генерацию энергии.

И, конечно, был Архитектор.

Это не был тот злобеший Искусственный Интеллект из древних фантастических фильмов, поработивший людей. Нет, Архитектор был всего лишь суперкомпьютером, гигантской нейросетью, созданной для одной цели: моделирования. Политики и экономисты больше не принимали решений вслепую. Они спрашивали Архитектора: "Что будет, если мы увеличим паек на 100 калорий?" И Архитектор отвечал: "Это приведет к дефициту энергии через десять лет". Люди по-прежнему нажимали кнопки, но Архитектор говорил им, какие кнопки нажимать, чтобы не обрушить шаткий баланс.

Роман сел в кресло, глядя на угасающую зелень в колбе. Он был микробиологом и специалистом по молекулярной биологии. Когда-то он мечтал возрождать вымершие виды, создавать новые экосистемы. Но реальность загнала его в узкий коридор прикладной науки: как заставить водоросли расти быстрее на отходах, чтобы накормить еще несколько миллионов ртов.

На экране его терминала мигнул значок входящего сообщения. Красный конверт. Высший приоритет.

– Входящий вызов. Управление Стратегического Планирования.

Роман нахмурился. УСП было организацией-призраком. О них говорили шепотом. Это были те самые люди, которые сидели в Женеве и Нью-Йорке, решая, какой регион получит новые фильтры для воды, а какой – нет. Что им нужно от рядового биолога из московского сектора?

– Соединяй.

На экране появилось лицо секретаря – живого человека, а не аватара, что само по себе говорило о важности звонка.

– Доктор Ремизов? Вас ожидают в Центре Координации Полетов. Транспорт уже выслан.

– По какому вопросу? – Роман попытался придать голосу твердость, хотя внутри все сжалось. Ошибка в расчетах? Нецелевое расходование биомассы?

– Директор Орлов объяснит лично. У вас двадцать минут на сборы.

Экран погас. Роман остался сидеть в тишине, нарушаемой лишь гудением вентиляции. Орлов. Это имя знали все. Виктор Андреевич Орлов – глава проекта "Гелиос", человек, который двадцать лет назад запустил программу строительства новых орбитальных верфей. Если он вызывает к себе, значит, случилось что-то экстраординарное. Или катастрофическое.

Здание Центра Координации Полетов напоминало крепость. Массивный бетонный куб без окон, обшитый пластинами активной брони, стоял на окраине города, там, где раньше были леса, а теперь простиралась серая пустошь промзоны.

Романа провели через бесконечные коридоры, залитые холодным белым светом. Охрана была серьезной: не сонные вахтеры, а бойцы в экзоскелетах легкого класса. Здесь пахло не пылью, а озоном и дорогим кофе – запахом власти.

Кабинет Орлова находился глубоко под землей. Это был огромный зал, стены которого были увешаны мониторами. На них в реальном времени бежали потоки данных: сводки погоды, индексы потребления энергии, отчеты с орбитальных станций.

Виктор Орлов стоял у тактической карты. Ему было за семьдесят, но старость его не сломила, а лишь высушила, сделав похожим на жилистую хищную птицу. Он был одет в простой серый китель без знаков различия.

– Садитесь, Роман Дмитриевич, – Орлов не обернулся, продолжая изучать какой-то график. – Извините за срочность. Времени у нас, к сожалению, меньше, чем мы думали.

Роман сел в жесткое кресло.

– Я совершил ошибку в исследованиях? – спросил он прямо.

Орлов наконец повернулся. Его глаза, выцветшие и холодные, внимательно ощупали Романа.

– Ошибку? Нет. Наоборот. Ваши работы по адаптации микроорганизмов к экстремальным средам – одни из лучших в секторе. Именно поэтому вы здесь.

Директор подошел к столу и нажал клавишу. Свет в кабинете приглушился. В центре комнаты возникла голограмма Земли. Она выглядела больной. Огромные бурые пятна пустынь пожирали континенты, полярные шапки съезжились до смешных размеров, а атмосфера была подернута мутной дымкой.

– Мы проигрываем, Роман, – тихо сказал Орлов. – Люди думают, что "Разумный Дефицит" – это временная мера. Что мы потерпим, технологии шагнут вперед, и сады снова зацветут. Это ложь.

Он сделал жест рукой, и рядом с Землей побежали колонки цифр.

– Три дня назад Архитектор завершил глобальную симуляцию. Модель "Омега-4". Она учитывает всё: истощение почв, закисление океана, мутации вирусов, социальное напряжение. Вывод однозначен: точка невозврата пройдена. Даже если мы завтра остановим все заводы и перестанем дышать, инерция экологического коллапса убьет биосферу через пятьдесят-шестьдесят лет.

Роман почувствовал, как по спине пробежал холод. Пятьдесят лет. Это означало, что он, возможно, доживет до конца света.

– Вы говорите о вымирании?

– Я говорю о полной стерилизации поверхности, – жестко отрезал Орлов. – У человечества на Земле нет будущего. Мы – живые мертвецы, которые просто еще не легли в могилу.

Голограмма изменилась. Земля исчезла, и на её месте появилась вращающаяся модель Солнечной системы, пронизанная тонкими красными линиями траекторий.

– Единственный шанс – это экспансия. Проект "Спасение". Вы слышали о нем?

– Слухи, – осторожно ответил Роман. – Говорят, вы строите "Ковчеги" на орбите Луны. Гигантские корабли поколений.

– Это не слухи. Восемь кораблей класса "Экзодус" уже готовы, остальные... – он сделал паузу. – Остальные активно строятся. Каждый вмещает до двух миллионов человек в криостазе. Генобанк, семена, вся наша культура и наука. Мы строим их уже пятнадцать лет, надрывая экономику планеты. Но есть проблема.

Орлов подошел к Роману вплотную.

– Двигатели "Ковчегов" – термоядерные. Надежные, но медленные. Путь до ближайшей пригодной системы займет десятилетия. Мы не можем отправить их вслепую. Если они прилетят к планете, которая окажется ядовитой пустыней, человечество погибнет во сне.

В воздухе повисла новая голограмма. Это был корабль, не похожий ни на что, что Роман видел раньше. Узкий, хищный корпус, окруженный кольцом странной конструкции, напоминающей ловец снов. Он выглядел опасным даже в виде проекции.

– "Авангард", – представил Орлов. – Первый из серии быстрых разведчиков. Экспериментальный двигатель. Мы называем его Струнным Квантовым Приводом. Он использует нити темной материи как рельсы, чтобы срезать путь сквозь пространство.

– И вы хотите отправить роботов, искусственный интеллект? – догадался Роман.

– Мы уже посылали 4 зонда класса «Одиссей», которых снабдили этими особыми двигателями, но одна из проблем в том, что после гиперпрыжка электронику нужно перезагружать, вручную, и это может сделать только человек. Все 4 зонда после прыжка отказали, послали данные об успешности прыжка и отключились. ИИ может рассчитать траекторию прыжка, провести сам прыжок, но при выходе из прыжка электроника отказывает и нужна особая аварийная перезагрузка. Да и к тому же... Зонды слишком глупы для этой миссии. Они могут измерить температуру и состав газа, но они не могут понять мир. Нам нужны люди. Разведчики.

– Это опасно, – добавил Орлов. – Безумно опасно. Экипаж может погибнуть при старте. Может исчезнуть в пустоте. Может сойти с ума. Но если они доберутся... они сделают это за годы, а не века, и принесут Земле колоссальную пользу, можно сказать, спасут человечество.

Орлов вернулся к столу и взял планшет.

– Мы пока отправляем три таких корабля в разные сектора галактики. "Авангард" идет к Тау Кита. Там есть кандидат – экзопланета в зоне обитаемости. Нам нужен кто-то, кто спустится туда и скажет нам правду. Пригоден ли этот мир для жизни? Сможем ли мы вырастить там еду? Не убьют ли нас местные бактерии в первый же день?

Он протянул планшет Роману. На экране было его личное дело.

– Нам нужен биолог, Роман. Не кабинетный теоретик, а практик. Человек, который понимает механизмы жизни на молекулярном уровне. У вас уникальный профиль: микробиология, экология, опыт работы в загрязненных зонах. Вы умеете выживать и думать нестандартно.

– Я... – Роман запнулся. Мысли метались. Космос. Другая звезда. Смерть.

– Вы можете отказаться, – голос Орлова стал мягче, но в нем звучала сталь. – Никто не заставит вас лететь насильно. У нас есть другие кандидаты. Например, Игорь Хватов из "Генезиса".

Роман скривился. Хватов был его давним соперником еще с университета. Блестящий карьерист, который умел красиво говорить и подгонять результаты под ожидания спонсоров.

– Хватов полетит, если откажетесь вы, – продолжил Орлов. – Он напишет красивый отчет. Он скажет нам то, что мы хотим услышать, чтобы получить медаль. Но если он ошибется... Ковчег прилетит на кладбище. Погибнут миллионы. И это будет на вашей совести.

Это был запрещенный прием. Орлов знал, на что давить.

– Почему я? Кроме квалификации?

– Потому что вас здесь ничего не держит, – Орлов посмотрел ему прямо в глаза. – Мы изучили ваш психологический профиль. После развода вы живете в лаборатории. У вас нет детей, нет близких родственников. Вы не боитесь потерять этот мир, потому что он для вас уже пуст. Вы – идеальный кандидат для билета в один конец.

Роман встал и подошел к карте галактики. Тау Кита сияла холодным желтым светом в двенадцати световых годах отсюда. Там, возможно, было чистое небо. Там были реки без пластика. Там была жизнь, которую никто еще не трогал.

Его сердце билось тяжело и гулко. Страх никуда не делся, но сквозь него прорастало другое чувство. То самое, которое заставляло древних людей выходить из пещер в темноту. Любопытство.

Он посмотрел на свои руки. Руки, которые всю жизнь копались в умирающей грязи Земли, пытаясь спасти то, что спасти нельзя. Теперь у него был шанс коснуться чего-то нового.

– Каковы условия? – спросил Роман, не оборачиваясь.

– Полная изоляция с завтрашнего дня. Подготовка – три месяца. Экипаж – девятнадцать человек. Возвращение я вам гарантировать не могу.

Роман повернулся к Орлову.

– Я согласен.

Орлов впервые за весь разговор позволил себе тень улыбки.

– Я не сомневался. Добро пожаловать в "Миссию Спасение", доктор Ремизов. Идите домой, соберите вещи. И попрощайтесь с небом. Больше вы его таким не увидите.

Когда Роман вышел из бункера на поверхность, город уже накрыли сумерки. Смог стал фиолетовым, скрывая контуры зданий. Люди спешили домой, прячась от кислотного дождя. Роман поднял голову и посмотрел в тусклую, непроглядную высь, пытаясь представить звезды, которых не было видно. Где-то там его ждала либо смерть, либо новый Эдем. И впервые за много лет он почувствовал, что дышит полной грудью.

Лондон, январь 2137 года.

Лондон не спал, потому что в Лондоне больше не было ночи. Была лишь бесконечная серая муть за окном и искусственные циркадные ритмы внутри помещений.

Оливер Бэнкс жил в "Шпиле" – элитном жилом комплексе в зоне Кенсингтон. Его апартаменты на 110-м этаже считались вершиной роскоши 2137 года: здесь было восемьдесят квадратных метров "живого" пространства. Настоящего.

Стены квартиры были покрыты умными панелями, имитирующими фактуру старинного дуба. Это была иллюзия, тактильная голограмма, но она стоила целое состояние. Пол подогревался, а воздух, прошедший тройную фильтрацию, пах не озоном и гарью, как на улице, а сандалом и морской солью – ароматический картридж "Мальдивы", который Оливер менял раз в неделю, отдавая за него месячную норму энергокредитов.

Оливер сидел в своем рабочем коконе – эргономичном кресле, которое подстраивалось под каждое движение тела, массируя затекшие мышцы. Вокруг его головы парил нимб из голографических экранов. Он работал.

– Удалить, – буркнул он, смахивая пальцем новостной сюжет о протестах в Водном Секторе. – Слишком депрессивно. Архитектор не пропустит в эфир.

– Заменить на сюжет о новых синтезаторах белка? – предложил домашний ИИ, говоривший с безупречным оксфордским акцентом.

– Да. Добавь фильтр "теплого света" и наложи музыку... что-нибудь из классики, но в современной обработке. Пусть люди думают, что поедание пасты из кузнечиков – это изысканно.

Оливер устало потер виски. Ему было тридцать четыре, и он был голосом "Глобальной Сети". Его лицо знали миллиарды. Он умел делать страшные новости приемлемыми, а скучные – захватывающими. Он продавал надежду в мире, где её не осталось.

Он встал и подошел к "окну". Это была сплошная стена-экран, транслирующая вид на Темзу. Река внизу была закована в бетонные берега и перекрыта дамбами очистных сооружений. Вода в ней была черной и густой, как нефть. Но экран Оливера показывал отредактированную версию: голубую воду, белые катера, зеленые парки. Ложь. Красивая, дорогая ложь, за которую он платил подписку.

– Оливер, время приема пищи, – напомнил ИИ.

Из ниши в стене выехал поднос. На нем лежал идеальный куб розового вещества (лососевый протеин) и капсула с витаминами. Рядом стоял бокал с водой – прозрачной, но мертвой на вкус.

Оливер взял бокал, глядя на свое отражение в темном стекле стены. Стильная стрижка, дорогой домашний костюм из натурального хлопка (безумная редкость), ухоженное лицо. Он жил лучше, чем 99% населения планеты. Но он чувствовал себя узником в золотой клетке. Его квартира была герметичным гробом с удобствами. Он не выходил на улицу уже три недели – всё доставляли дроны, все встречи проходили онлайн.

Внезапно музыка в комнате оборвалась. Освещение сменилось с уютного янтарного на тревожный холодный белый.

– В чем дело? – Оливер напрягся. Сбои в "Шпиле" были невозможны.

– Входящее соединение по защищенному каналу, – голос ИИ потерял свою чопорность и стал механическим. – Протокол "Цербер". Блокировка всех остальных потоков данных.

На главной стене, перекрыв фальшивый вид на Темзу, возник логотип, который Оливер видел только в закрытых правительственных брифингах. Стилизованный земной шар в прицеле. Управление Стратегического Планирования.

– Мистер Бэнкс, – раздался голос. Не компьютерный. Живой, властный, с едва заметным славянским акцентом.

– Кто говорит? – Оливер инстинктивно выпрямился, включив "режим журналиста".

– Виктор Орлов. Директор проекта "Спасение".

Орлов. Мифическая фигура. Человек, который дергал за ниточки мировой политики из тени.

– Чем обязан чести, директор? Я не брал интервью у призраков уже... никогда.

– Мы следим за вашей работой, Оливер. Ваши репортажи о кризисе в Патагонии... вы умудрились показать трагедию так, что люди не вышли на улицы с вилами, а начали волонтерскую программу. У вас есть дар. Вы умеете управлять правдой.

– Я называю это журналистикой, – сухо ответил Оливер. – Но вы позвонили не для того, чтобы хвалить мой слог.

На экране появилось изображение. Не график, не схема. Фотография. На ней была девушка, стоящая на фоне рыжего заката. Настоящего солнца, огромного и яркого. Ветер трепал её волосы. Она улыбалась.

– Что это? – спросил Оливер. – Рендер?

– Это реальность. Только не здесь. Тау Кита. Планета в двенадцати световых годах отсюда. Мы отправляем туда экспедицию.

– Экспедицию? – Оливер рассмеялся, нервно и отрывисто. – Директор, при всем уважении, наши корабли будут лететь туда сотню лет, мои пра-пра-правнуки не доживут.

– У нас есть корабль, который долетит быстрее, – перебил Орлов. – Намного быстрее. Но это не туристический круиз. Это прыжок в бездну.

Стена снова изменилась. Теперь Оливер видел досье. Свое собственное досье.

"Оливер Бэнкс. Коэффициент адаптивности: Высокий. Психотип: Искатель. Социальные связи: Поверхностные. Семья: Нет".

– Вы одиноки, мистер Бэнкс, – голос Орлова звучал безжалостно. – У вас миллионы подписчиков, но ни одного друга, которому вы бы позвонили, если бы умирали. Вы заперты в своей роскошной башне и задыхаетесь от скуки. Я предлагаю вам выход.

– Куда? На самоубийственную миссию к звездам?

– Именно. Нам нужен летописец. Кто-то, кто не является военным или ученым. Кто-то, кто будет глазами человечества. Кто расскажет историю этого путешествия – какой бы она ни была. Даже если это будет история нашей гибели.

Оливер подошел к стене вплотную. Он смотрел на фото далекой планеты. Рыжее солнце. Ветер. Свобода.

Его квартира, с её фальшивым дубом и ароматом "Мальдив", вдруг показалась ему невыносимо тесной. Как тюремная камера.

– Почему я? – спросил он тихо. – Есть военные корреспонденты, есть...

– Они солдаты. Они видят цели и угрозы. А вы видите людей. И вы умеете лгать, Оливер. Или, скажем мягче, "сглаживать углы". Если там, в космосе, экипаж начнет сходить с ума, мне нужно, чтобы Земля получила не сухие отчеты о психозе, а историю о героизме. Вы – наш фильтр.

Оливер усмехнулся.

– Вы хотите, чтобы я стал пропагандистом на краю вселенной.

– Я хочу, чтобы вы стали бессмертным, – парировал Орлов. – Гомер написал "Одиссею". Вы напишете "Исход". Или вы можете остаться здесь и продолжать делать сюжеты про синтетическую пасту, пока свет окончательно не погаснет.

Оливер посмотрел на свой недоеденный куб протеина. Потом на идеальный, стерильный порядок своей "золотой клетки".

Внутри него что-то щелкнуло. Страх был, конечно. Но сильнее было другое чувство – отвращение к этому пластиковому комфорту.

– Когда вылет? – спросил он.

– Шаттл заберет вас с крыши "Шпиля" через час. Возьмите только то, что действительно важно. Цифровые копии мы сделаем сами.

Экран погас. Комната снова наполнилась мягким светом и запахом сандала.

Оливер Бэнкс постоял минуту в тишине. Потом подошел к панели управления домом.

– ИИ, – сказал он.

– Да, Оливер?

– Отмени подписку на вид из окна. И на ароматизаторы. Навсегда.

Он пошел в спальню собирать сумку. Он не знал, что брать с собой на другую планету, поэтому взял только старую пленочную камеру своего деда. Единственную вещь в этом доме, которая не умела врать.

Кабинет центра Управления Полетами, Москва.

Кабинет Виктора Орлова был единственным местом в Управлении, где пахло настоящим табаком. Система вентиляции здесь работала в усиленном режиме, вытягивая сизый дым дорогих сигарил, которые директор курил одну за одной.

За круглым столом из темного полимера сидели четверо: сам Орлов, главный психолог проекта доктор Шварц (сухая женщина с ледяным взглядом), представитель Совета Безопасности генерал Чжан (в идеальной форме, не имевшей ни единой складки) и Алексей Громов, капитан нового корабля-разведчика «Авангард».

Громов чувствовал себя неуютно в гражданском костюме, который сшил ему корабельный портной перед вызовом на Землю. Он привык к комбинезону или парадной форме ВКС. Но здесь, в логове бюрократов, он был не просто пилотом. Он был покупателем, выбирающим себе семью, с которой ему возможно предстояло умереть.

Перед ним в воздухе висели полупрозрачные голограммы личных дел. Десятки лиц, графиков, психопрофилей. Но Громов почти не смотрел на них. У него на коленях лежал толстый блокнот в потертой кожаной обложке. Страницы были исписаны его мелким, бисерным почерком. Он доверял бумаге. Голограмму можно взломать, подделать, стереть. Бумага помнит нажим ручки, помнит сомнения.

– По кандидатуре пилота-навигатора возражений нет? – голос Орлова разрезал тишину. – Лейтенант Казимир. Лучшие показатели на симуляторе прыжка. Реакция 0.04 секунды.

Громов перевернул страницу блокнота.

– Нет, – буркнул он. – Казимир не летит.

– Алексей Петрович, – вздохнула доктор Шварц. – У него идеальный профиль. Устойчив к стрессу, лоялен...

– Он игрок, – Громов поднял тяжелый взгляд на психолога. – Я смотрел записи его симуляций. Он рискует там, где не надо. Он пытается обыграть компьютер. На "Авангарде" нам не нужен азарт. Нам нужен расчет. Я беру Пателя.

– Пателя? – генерал Чжан нахмурился. – Того индийского мальчика? Он же заикается, когда нервничает. И у него низкий рейтинг физической подготовки.

– Зато он чувствует математику, как музыку, – отрезал Громов. – И он трус. В хорошем смысле. Он перепроверит расчет трижды, прежде чем нажать кнопку прыжка. Мне нужен живой экипаж, а не герои посмертно. Патель. Точка.

Орлов выпустил струю дыма в потолок.

– Принято. Штурман – Раджив Патель. Дальше.

Голограммы сменились. Инженерный отсек.

– По главному инженеру у нас консенсус? – спросил Орлов. – Доктор Штейн.

– Элизабет сложная, – заметил генерал. – Три выговора за нарушение субординации. Курит на рабочем месте. Игнорирует прямые приказы, если считает их "тупыми".

Громов едва заметно улыбнулся.

– Именно поэтому она мне и нужна. Если реактор пойдет в разнос, мне не нужен солдат, который будет ждать моего приказа и отдавать честь. Мне нужен гений, который пошлет меня

к черту и починит охлаждение. Штейн летит. И Волков с ней. Они сработались еще на лунной базе. Волков – это руки, Штейн – это мозг.

Он сделал пометку в блокноте, жирно обведя фамилию "Волков". Русский медведь. С ним можно выпить спирта, если совсем прижмет.

– Теперь по группе безопасности, – генерал Чжан подался вперед. – Здесь я настаиваю. Майор Торн. Группа "Альфа". Абсолютная преданность. Машина для убийства.

Громов поморщился.

– Торн... Он параноик.

– В космосе это полезное качество, – парировал Чжан. – Алексей, вы летите в неизвестность. Там может быть что угодно. Вам нужен цепной пес.

– Главное, чтобы этот пес не покусал своих, – Громов посмотрел на Орлова. – Я утвержу Торна, но при одном условии. Старпом – Ли Вэй.

Генерал Чжан удивленно поднял бровь. Ли Вэй была из его ведомства, но славилась своей жесткостью.

– Почему она?

– Потому что она единственный человек, которого Торн боится больше, чем меня, – усмехнулся Громов. – Она будет держать его на поводке. И она педант. Мне нужен порядок на мостике, пока я буду... заниматься стратегией.

Орлов кивнул.

– Разумно. Ли Вэй – старпом. Торн – безопасность.

Голограммы снова перетасовались. Теперь перед ними висел научный блок.

– Мы предлагаем Хватова на роль главного биолога, – сказала доктор Шварц. – Амбициозен, целеустремлен. Хочет войти в историю.

Громов захлопнул блокнот. Звук получился громким, как выстрел.

– Нет.

– Алексей Петрович, послушайте...

– Я читал его досье. И читал его статьи. Он теоретик, влюбленный в свои модели. Если планета не совпадет с его теорией, он будет подгонять планету под график. – Громов положил широкую ладонь на стол. – Мне нужен Ремизов.

– Ремизов? – Орлов прищурился. – Он в депрессии. Он выгорел.

– Он честный, – веско сказал Громов. – Он копается в грязи уже десять лет, пытаюсь спасти наши посевы. Он знает цену ошибке. Хватов полетит за славой. Ремизов полетит, потому что ему больше некуда идти. Человеку, которому нечего терять, я доверяю больше.

Орлов долго смотрел на капитана сквозь сизую дымку. Это был поединок взглядов. Бюрократ против волка-одиночки. Наконец, директор затушил сигарилу в массивной пепельнице.

– Хорошо, Алексей. Ремизов. Я уже говорил с ним. Он согласен.

Громов кивнул и снова открыл блокнот, вычеркивая фамилию "Хватов" и вписывая "Ремизов".

– И последний вопрос, – Орлов вывел на экран изображение Оливера Бэнкса. – Журналист.

Капитан скривился, как от зубной боли.

– Виктор Андреевич, зачем? Лишний рот. Балласт. Он не умеет стрелять, не умеет чинить, не умеет лечить. Он будет путаться под ногами и ныть.

– Он нужен не тебе, Алексей. Он нужен Земле, – тихо, но твердо сказал Орлов. – Люди должны знать, за что мы платим такие деньги. Они должны видеть героев, а не цифры в отчетах. Бэнкс сделает из вашей миссии легенду. Без легенды у нас не будет финансирования.

Громов молчал минуту. Он смотрел на холеное лицо Бэнкса, на его модную прическу.

– Ладно, – наконец выдавил он. – Пусть летит. Но если он сунет камеру мне в лицо во время аварийной тревоги, я его выкину в шлюз. И спишу как "потерю оборудования".

– Договорились, – Орлов позволил себе легкую улыбку.

Совещание закончилось. Генерал и психолог вышли. Громов остался сидеть, глядя на свой блокнот. Девятнадцать имен. Девятнадцать судеб, сплетенных теперь в один узел. Он провел пальцем по шершавой бумаге.

Маркус Вэнс, Ли Вэй, Раджив Патель...

Это был не просто список. Это был экипаж "Авангарда". Его стая.

Он захлопнул блокнот, сунул его во внутренний карман пиджака и встал. Впереди была самая трудная часть – знакомство.

Орбитальная верфь "Гелиос-1", обратная сторона Луны

Орбитальная верфь "Гелиос-1", висящая в точке Лагранжа L2 за обратной стороной Луны, меньше всего напоминала стерильные научные лаборатории Земли. Это был гигантский металлический скелет, облепленный строительными лесами и техническими модулями, похожий на недоеденную рыбу. Здесь не пахло озоном, дорогим кофе и кондиционированной свежестью. Здесь, в технических доках, пахло раскаленным металлом, перегоревшей изоляцией, остывающей плазмой и едким мужским потом.

Николай Волков висел вниз головой в невесомости, зацепившись магнитными ботинками за внешний кожух реакторного отсека. Рядом с ним, метрах в десяти, двое молодых сварщиков с верфи – Санджив и парень, которого все звали просто Рыжий – возились с прокладкой внешней магистрали охлаждения.

– Эй, Санджив! – рывкнул Волков в общий канал связи. – Ты варишь шов или пытаешься прожечь дыру до самого реактора? Держи дугу ровнее, у нас тут не урок рисования!

– Да понял я, понял, дядя Коля, – отозвался молодой голос, дрожащий от напряжения. – Просто кабель жесткий, он играет на морозе...

– Если он лопнет при перегрузке, ты узнаешь об этом первым, потому что твой зад окажется на орбите Марса! – беззлобно пригрозил Волков и переключился на свою работу.

Вокруг него царил упорядоченный хаос: клубки кабелей толщиной в руку змеились, как черные анаконды, искрили автоматические сварочные швы, а в пустоте дрейфовали забытые кем-то гайки и обрывки термоленты. Через прозрачный пластик шлема он видел край Луны – серый, мертвый, испещренный кратерами, и черноту космоса, которая здесь казалась гуще и злее, чем на картинках.

– Ну же, милая, не капризничай, – прохрипел он в микрофон, обращаясь к массивной титановой плите термозащиты, которая никак не хотела вставать в паз. – Давай, с*ка, полезай в гнездо.

Он размахнулся и ударил по плите кувалдой с прорезиненным бойком. В невесомости удар получился специфическим – инерция попыталась отбросить самого Николая назад, и его позвоночник хрустнул бы, если бы не мощные магниты на подошвах скафандра. Импульс прошел через всё тело, отдаваясь звоном в зубах. Плита дрогнула и с противным скрежетом, от которого у любого инженера по технике безопасности случился бы инфаркт, наконец-то встала на место, перекрыв доступ к оголенной проводке.

– Интеграция завершена, – бесстрастно сообщил сервисный дрон. – Фиксирую микродеформацию фланца на 0.3 миллиметра. Нарушение допуска. Рекомендуются полная замена узла. Создать тикет на ремонт?

– Я тебе сейчас процессор заменю на тостер, – огрызнулся Волков. – Это не деформация, кусок идиота, это тепловой зазор. Мы летим в ад, жестянка, там будет жарко. Отмена тикета.

– Ник, ты опять споришь с дроидами? – раздался в наушнике женский голос, перекрывая статические помехи эфира. – Заканчивай там. Миллер уже рвет и мечет, требует освободить шлюз для погрузчиков.

Волков ухмыльнулся в густую бороду.

– Пусть Миллер идет в... вентиляцию. Спускайся, я закончил с кожухом. Герметичность сто процентов. Рыжий, Санджив! Доварите этот стык и валите на обед, пока я добрый!

Николай отстегнул магниты и, ловко оттолкнувшись от переборки, "поплыл" к шлюзу инженерной палубы. Входной люк с шипением впустил его внутрь. Как только шлюзование завершилось, включилась искусственная гравитация. Желудок привычно кувыркнулся и встал на место.

В центре инженерного поста былолюдно. Кроме Элизабет Штейн, здесь находился Миллер – сменный мастер верфи, тучный мужчина с красным лицом, и еще пара техников в желтых жилетах, которые бегали между стойками с планшетами.

Штейн, окруженная десятком голографических схем, выглядела как скала в бушующем море. Ей было тридцать семь, но в тусклом аварийном свете она казалась старше. На ней был замасленный комбинезон, а волосы были стянуты в небрежный узел карандашом.

– Элизабет, это нарушение регламента! – орал Миллер, размахивая планшетом. – Вы отключили контур безопасности "Дельта"! Если инспекция узнает...

– Если я его не отключу, Миллер, то твои калибровки сожгут нам навигационный блок, – спокойно ответила Штейн, даже не глядя на него. Она выпустила густое облако пара из электроннотрубки прямо в сторону вентиляции. – Иди отсюда. Скажи инспекции, что это я сумасшедшая ведьма. Им так проще будет.

Миллер, увидев входящего Волкова – огромного, как медведь, и с кувалдой в руке, – решил не продолжать спор. Он плюнул на пол (метафорически) и махнул своим техникам:

– Уходим! Пусть сами взрываются, если такие умные.

Когда шлюз за ними закрылся, в отсеке стало тише.

– Бет, датчики дыма, – укоризненно сказал Волков, с шумом снимая шлем.

– Я их перепаяла еще во вторник, – отмахнулась она. – Если эта посуда решит сгореть, мы узнаем об этом раньше сирены. Наши задницы превратятся в плазму быстрее, чем сработает датчик.

Она кивнула на огромное обзорное окно из бронестекла. За ним, в огромном ангаре, пульсировало "сердце" корабля.

Реактор Холодного Синтеза в сцепке с Квантовым Инициатором выглядел как внутренности гигантского кибернетического зверя. Клубок трубок охлаждения, катушки магнитных полей и центральная сфера – "Саркофаг". От сферы исходило едва заметное марево – воздух вокруг нее искажался.

– Они хотят экспериментальный старт через две недели, – глухо сказала Штейн. – Совет Директоров прислал новый график.

– Идиоты, – сплюнул Волков, наливая себе отвратительный кофе из автомата. – Мы даже не гоняли Инициатор на 100%. Кристаллы поют, Бет. Они не должны петь.

– Я знаю. Я писала отчет. Орлов его подтер. Он сказал: "Риск приемлем".

Она повернулась к Николаю. В её глазах плескалась тревога.

– Ник, эта штука... Это не просто двигатель. Это бомба, на которой мы собираемся верхом въехать считай что в другую галактику. Я переписала алгоритмы, но "Авангард" сырой.

– Как и всё в этом чертовом мире, – пожал плечами Волков. – Знаешь, что говорил мой дед? "Если машина не хочет работать, дай ей пинка". Мы с тобой построили её своими руками. Мы удержим её.

Внезапно свет в отсеке мигнул и окрасился в тревожный янтарный цвет. По кораблю прошел низкий, утробный гул – звук на грани инфразвука. Это техники на нижнем ярусе, те самые, которыми командовал злой Миллер, начали предварительную накачку конденсаторов. "Авангард" просыпался. Звук был похож на рык хищника.

Штейн положила ладонь на бронестекло.

– Слышишь? Он голоден. Он хочет жрать пространство. Надеюсь, новый капитан понимает, что этим нельзя просто "управлять". С этим можно только договориться.

– Громов? – Волков сделал глоток. – Я читал его досье. Мужик старой закалки. Говорят, он до сих пор пишет ручкой на бумаге. Думаю, они с "Авангардом" поладят. Оба упрямые ублюдки.

Штейн затянулась трубкой.

– Посмотрим. Главное, чтобы "гражданские", которых нам навязывают, не наделали в штаны, когда мы войдем в фазу призрака и стены станут прозрачными. Я не собираюсь отмыкать их кресла, у меня и так дел по горло.

– Ты про ученых? – хмыкнул Волков. – Ничего, пристегнем их скотчем к койкам, если начнут буянить.

Штейн резко развернулась к терминалу, её пальцы забегали по панели.

– За работу, Ник. Проверь магнитные ловушки еще раз. Я хочу, чтобы они держали струну мертвой хваткой.

– Есть, босс, – козырнул Волков и, подхватив свою кувалду, снова направился к шлюзу. За стеклом "Авангард" продолжал гудеть, набирая силу.

Тренировочный полигон "Сектор 7" на орбитальной станции Земли

Тренировочный полигон "Сектор 7" на военно-орбитальной станции "Щит" представлял собой гигантский ангар с изменяемой геометрией. Стены и переборки здесь двигались на гидравлических поршнях, создавая любую конфигурацию – от руин города до узких отсеков подводной лодки.

Сейчас полигон имитировал внутренности корабля класса "Авангард". Тесные коридоры, низкие потолки, о которые можно удариться шлемом, и бесконечные переплетения труб. Освещение было выключено намеренно. Работали только стробоскопы аварийной тревоги, выхватывающие из темноты куски пространства резкими, тошнотворными вспышками красного света.

Майор Джейк Торн стоял на возвышении за толстым бронированным стеклом операторской, наблюдая за мониторами телеметрии. Данные с биометрических датчиков его команды бежали по экрану зелеными строчками. Пульс самого Торна был 55 ударов в минуту. Ровный. Спокойный. Скудный. Он пил холодную воду из пластикового стаканчика, пока внизу разворачивалась симуляция бойни.

Внизу, в лабиринте, его команда – спецгруппа "Омега" – проходила сценарий "Код Черный: Бунт на борту / Биологическая угроза".

– Цель в секторе 4, – прорычал Торн в микрофон гарнитуры, глядя на тактическую карту. – Напоминаю: это не спасательная операция. Это зачистка. Гражданские скомпрометированы. Работайте.

На зернистом экране тепловизора вспыхнули три силуэта. Они двигались с пугающей, почти неестественной слаженностью, словно были единым организмом с шестью ногами и тремя стволами. Ни лишних движений, ни звуков шагов – магнитные подошвы их ботинок были переведены в "тихий режим".

Лена "Рысь" Соколова шла первой. В её движениях не было ничего человеческого – она буквально текла по коридору, прижимаясь к стенам и используя тени как укрытие. В руках она держала укороченную снайперскую винтовку "Вектор" с интегрированным глушителем. Лазерный целеуказатель был выключен – Рысь не нуждалась в подсказках.

– Визуальный контакт, – её голос в эфире звучал как шелест льда, без малейшего признака одышки. – Три гражданских. Вооружены импровизированным оружием – резак, монтировки. Пытаются взломать шлюз мостика. Вижу признаки агрессии.

– Ликвидация, – командовал Торн, не дрогнув мускулом на лице. – Они заражены. По легенде у них психоз третьей стадии, вызванный нейротоксином. Они убьют пилотов и разгерметизируют корабль. Огонь на поражение.

Рысь не колебалась ни доли секунды. Три сухих хлопка, похожих на кашель, слились в один звук. Внизу, в полумраке коридора, три манекена-голограммы, изображающие взбесившихся людей, рассыпались снопами цифровых искр. Выстрелы были идеальными: центр масс, мгновенная нейтрализация, чтобы не повредить обшивку за спинами целей.

Следом за ней, заполняя собой проход, двигался Аксель "Танк" Йоргенсен. В своей тяжелой штурмовой броне он напоминал шагающий танк. Он нес тяжелый плазменный излучатель так легко, будто это была детская игрушка. Его задача была прикрывать тыл, и он делал это, методично сканируя вентиляционные шахты и боковые ответвления.

– Чисто, босс! – гаркнул он в эфир, и в его голосе слышался веселый азарт. – Никто не подкрадется к нашей заднице, пока я здесь. Вентиляция пуста, тепловых сигнатур нет.

Замыкал тройку Карлос "Док" Ривера. Он двигался быстро, но осторожно, постоянно оглядываясь. В одной руке он держал штурмовую винтовку, прижав приклад к плечу, а в другой сжимал активный медицинский сканер. Он на ходу проверял показатели "убитых" и ставил виртуальные маячки биологической опасности.

– Симуляция завершена, – объявил бесстрастный компьютерный голос. – Время выполнения: 42 секунды. Оценка тактических действий: Отлично. Потери гражданского персонала: 100%. Угроза устранена.

Торн нажал кнопку сброса на консоли. Резкий красный свет стробоскопов сменился ровным белым освещением ангара. Стены лабиринта начали разъезжаться, открывая пространство. Майор спустился по металлической лестнице вниз, где его бойцы уже снимали шлемы, вытирая пот со лбов.

– Сорок две секунды, – сказал Торн, подходя к ним. Он не улыбался. Его лицо, исчерченное мелкими шрамами, оставалось каменным. – Это медленно. Если бы это были настоящие зараженные..., Танк был бы уже мертв. Ты пропустил движение в боковом шлюзе на двенадцатой секунде.

Аксель виновато почесал короткий ежик светлых волос, стягивая с себя массивный нагрудник.

– Да ладно, майор. Это же просто ученые с отвертками. Что они нам сделают? Затыкают нас пробирками? У меня броня пятого класса, её даже лазером не сразу возьмешь.

Торн подошел к гиганту вплотную. Ему приходилось смотреть вверх, чтобы встретиться с Танком взглядом, но огромный скандинав инстинктивно сжался под этим тяжелым взглядом.

– Запомните, – голос Торна стал тихим, вкрадчивым и опасным, как шипение змеи. – Мы летим не на пикник. И не на парад. Наша задача – не охранять ученых от инопланетян. Инопланетян, скорее всего, нет. Или если они только в форме каких-нибудь бактерий.

Он обвел взглядом свою команду, задерживаясь на каждом. Рысь равнодушно протирала оптику винтовки специальной тряпочкой, не поднимая глаз, словно этот разговор её не касался. Док перебирал пальцами черные четки, висящие на запястье, и шептал что-то беззвучное.

– Наша задача – охранять корабль от экипажа, – продолжил Торн, чеканя каждое слово. – Изоляция, космическая радиация, побочные эффекты квантовых скачков... Через три месяца полета в консервной банке у гражданских начнут плавиться мозги. Они захотят развернуть корабль домой. Или открыть шлюз, чтобы "подышать". Или решат, что капитан – это дьявол, который ведет их в ад.

– И тогда? – тихо спросил Док Ривера, поднимая на майора темные, глубокие глаза.

– И тогда мы станем единственным законом на борту, – отрезал Торн. – Протокол "Санитар". Вы читали его, но не поняли сути. Если наш "биолог" решит притащить на борт неизвестную плесень ради науки – вы его сожжете вместе с этой плесенью. Если "журналист" начнет

сеять панику и подбивать экипаж на бунт – вы его заткнете. Навсегда, если это потребуется. Если капитан потеряет контроль над ситуацией... мы возьмем управление на себя. Любой ценой.

В огромном ангаре повисла тяжелая тишина, нарушаемая только монотонным гудением системы охлаждения брони Танка. Слова майора повисли в воздухе, как приговор.

– А капитан Громов? – спросила Рысь. Она впервые подала голос, и он был неожиданно мелодичным, но холодным. – Он тертый калач. Он не похож на того, кто теряет контроль. Я видела его досе.

– Громов – хороший мужик, – кивнул Торн, не отрицая очевидного. – Храбрый. Но он сентиментален. Он будет спасать людей. Каждого члена экипажа. А мы должны спасти Миссию, разницу улавливаете – корабль дороже людей. Информация, которую он несет, дороже наших жизней.

Все трое медленно кивнули. Они поняли.

– Отлично. Перерыв десять минут. Потом отработка сценария "Отказ гравитации при абордаже". Танк, ты идешь первым. И если ты снова пропустишь боковой шлюз, я заставлю тебя чистить туалеты в казарме зубной щеткой. И это будет твоя щетка.

Бойцы начали расходиться к стойкам с водой и боеприпасами. Торн остался стоять посреди пустого полигона. Он сунул руку в карман разгрузки и достал старую, потертую фотографию в ламинате. На ней не было семьи, детей или улыбающейся жены. На ней было пепелище – дымящиеся руины блокпоста в Андах, всё, что осталось от его взвода во время последнего конфликта.

Он смотрел на снимок и знал, что космос сделает с людьми то же самое. Он не верил в новые миры, райские сады и братство народов. Он верил только в жесткую дисциплину, четкие приказы и калибр 7.62. И он собирался вернуть этот чертов корабль на Землю, даже если для этого придется собственноручно перестрелять половину тех, кто сейчас с восторгом пакует чемоданы с оборудованием.

Глава 2. Знакомство

Карантинный комплекс "Аполлон-4"

Карантинный комплекс "Аполлон-4" (по названию кратера Луны) находился на обратной стороне Луны, зарытый глубоко в базальтовую породу кратера, куда никогда не заглядывало голубое, дарящее ложную надежду сияние Земли. Это было, пожалуй, самое тихое место во всей Солнечной системе – и уж точно самое одинокое. Здесь, под двадцатью метрами лунного реголита, не было ни радиопомех от земных мегаполисов, ни светового шума, ни вибрации поездов на магнитной подушке. Только бесконечный, давящий вакуум за толстыми стенами, который ощущался кожей, как взгляд в спину.

Девятнадцать человек, отобранных из миллиардов, провели здесь последние две недели. Это было похоже на высокотехнологичное чистилище перед воротами либо в Рай, либо в Ад. Бесконечные медицинские тесты, когда дроиды сканировали каждый миллиметр тела; химическая стерилизация, убивающая даже самые стойкие земные бактерии; унижительные психологические сессии с ИИ-терапевтами. Им кололи коктейли из наноботов для усиления иммунитета, от которых потом ломало кости и поднималась температура. Их готовили не как космонавтов, а как биологическое оружие – чистое, стерильное, смертоносное.

Но сейчас, за двенадцать часов до расчетного времени старта, протокол сменился. Им дали "вольное время". Последний глоток условной свободы перед тем, как они добровольно запрут себя в металлической консервной банке на годы.

Общий зал был расположен не под слоем лунного грунта, а на поверхности комплекса. "Кубрик", как его уже окрестили с легкой руки Оливера, напоминал лобби безумно дорогого, но стерильного орбитального отеля. Мягкие модульные кресла, принимающие форму тела, успокаивающее янтарное освещение, имитирующее закат, и даже попытка создать уют – растения. Роман Ремизов, едва войдя, сразу профессиональным взглядом определил, что фикус в углу – пластиковый, а бархатистый мох на стене – синтетический полимер, хотя и пах он убедительно влажной лесной землей. Этот запах был самой большой ложью в комнате.

Главной, доминирующей деталью интерьера было панорамное окно во всю стену, сделанное из сверхпрочного прозрачного алюминия. За ним расстилалась не привычная панорама города и не земной пейзаж. За ним была Бездна. Звезды здесь, лишённые атмосферного фильтра, не мерцали. Они горели холодными, немигающими точками, пронзая черноту с пугающей, хирургической ясностью. Смотреть на них долго было физически больно.

Роман Ремизов сидел в углу, в тени искусственного фикуса, с планшетом в руках. Он делал вид, что увлеченно читает техническую спецификацию скафандров высшей защиты, но на самом деле он не прочел ни строчки. Он наблюдал. Ему, как биологу, изучающему популяцию, было интересно смотреть, как девятнадцать совершенно чужих, вырванных из привычной среды организмов пытаются стать единой экосистемой перед лицом общей угрозы.

В центре зала, сдвинув три низких столика, царил шум. Это Николай Волков, огромный механик, напоминающий медведя-шатуна, которого по ошибке одели в тесный летный комбинезон, о чем-то яростно, с пеной у рта спорил с Акселем "Танком" Йоргенсенсом.

– ...я тебе говорю, братан, ты не понимаешь сути! – гремел бас Волкова, разлетаясь по всему залу и заглушая гул климат-контроля. – Настоящая водка – это не химия. Она должна пахнуть хлебом, морозом и тоской! А то, что сейчас синтезируют в московских биореакторах из опилок – это жидкость для протирки контактов! Её пить – себя не уважать, это оскорбление организма!

– В Скандинавии мы пьем аквавит, – лениво парировал Танк, развалившись в кресле так, что оно жалобно скрипело под весом его как будто бронированного тела. – Он пахнет тмином,

укропом и смертью. После третьей стопки ты перестаешь чувствовать холод, а после пятой начинаешь видеть валькирий, которые зовут тебя в Вальхаллу.

Они рассмеялись, и этот смех был громким, грубым, но удивительно искренним. Лед отчуждения треснул. Алкоголь на станции был строжайше запрещен под угрозой трибунала, но все пили "лунный чай" – крепчайший травяной настой с мятой, лимонником и какими-то стимуляторами, который заваривал французский повар Жан-Пьер Дюбуа. Сам повар, круглый, уютный, с пышными усами, сейчас вальсировал между креслами с подносом, словно официант в парижском кафе, предлагая всем свежее испеченные круассаны. Откуда он взял тесто и живые дрожжи в зоне строгого карантина – оставалось величайшей загадкой, которую никто, даже служба безопасности, не хотел разгадывать, чтобы не лишиться выпечки.

В стороне, у самого обзорного окна, словно отделенная невидимым барьером, стояла группа "интеллектуалов", или, как их мысленно назвал Роман, "Мозговой Трест". Главный инженер, Элизабет Штейн, курила свою неизменную электронную трубку, модифицированную вручную. Система вентиляции над ней протестующе гудела, пытаясь отфильтровать густой, ароматизированный пар, но Штейн это совершенно не волновало. Она что-то яростно объясняла молодому индийцу в очках – штурману Радживу Пателю. Патель слушал, открыв рот, и кивал так часто и подобоострастно, что казалось, у него сейчас отвалится голова.

– ...и запомни, математика – это хорошо, это красиво, но темная материя плевать хотела на твои интегралы и красивые графики, – наставительно говорила Штейн, тыча мундштуком трубки в толстое стекло, за которым в метре от них висела абсолютная смерть. – Если ты промахнешься с расчетом вектора на ноль целых одну десятую, мы выйдем не у Тау Кита, а где-нибудь на отшибе Вселенной. Или, что еще хуже, материализуемся внутри короны звезды. Ты понимаешь, что такое мгновенная ионизация? Мы даже испугаться не успеем, просто станем плазмой.

– Я... я перепроверил формулы трижды, фрау Штейн! – заикаясь от волнения, ответил Раджив, нервно поправляя очки на переносице. – Модель устойчива. Погрешность в пределах допустимого...

– Погрешность есть всегда, – жестко отрезала она, выпустив идеальное, плотное кольцо дыма, которое поплыло к потолку. – Твоя задача – сделать так, чтобы эта погрешность нас не убила.

Внезапно пневматическая дверь шлюза с мелодичным шипением открылась, нарушая герметичный уют. В зал вошел Оливер Бэнкс. Журналист выглядел безупречно даже в стандартном сером комбинезоне миссии, который на остальных висел мешком: волосы идеально уложены, воротничок дерзко поднят. За ним, жужжа, как назойливая механическая муха, летел его персональный дрон-камера с горящим красным огоньком записи.

– Добрый вечер, дамы и господа! Будущие герои галактики, спасители человечества! – громко объявил он, раскинув руки, словно приветствуя стадион. – Управление попросило меня записать "Последние слова". Ну, или "Напутствие", если вы суеверны и все-таки планируете вернуться домой. Кто первый хочет войти в историю?

Комната мгновенно затихла. Волков перестал смеяться, его лицо потемнело. Он медленно поставил чашку с чаем на стол. Танк сел ровнее, напрягая мышцы. Штейн отвернулась к окну, выдыхая дым. Никто не хотел думать о том, что это могут быть действительно последние слова. Слово "смерть", которое они старательно игнорировали, теперь висело в воздухе, произнесенное, но осязаемое, как статический заряд.

– Я начну, – раздался спокойный, тяжелый голос, идущий из глубины зала.

Из тени, где он до этого молча изучал голографическую карту полета, вышел капитан Алексей Громов. Он двигался тяжело, но уверенно. Он подошел к камере вплотную, не обращая внимания на Оливера, и посмотрел прямо в объектив. Его лицо, изрезанное глубокими

морщинами, в свете прожекторов дрона казалось высеченным из камня, но в глазах читалась странная, почти отеческая теплота.

– Меня зовут Алексей Громов, и я капитан корабля "Авангард". – Он сделал паузу, подбирая слова, взвешивая каждое. – Многие там, на Земле, думают, что мы бежим. Что мы дезертиры, бросающие тонущий корабль. Это не так. Мы улетаем не потому, что ненавидим наш дом. Мы улетаем, потому что любим его слишком сильно, чтобы смотреть, как он умирает. Мы идем в темноту, в холод, в неизвестность, чтобы найти свет и принести его обратно. Для тех, кто остался. Для наших детей. Ждите нас – мы вернемся, обязательно.

Он коротко кивнул и отошел. Просто. Без пафоса и надрыва. Но у Романа перехватило горло от этой железобетонной уверенности. Ему захотелось поверить этому человеку.

– Сильно, – присвистнул Оливер, явно довольный полученным материалом. – Кто следующий? Доктор Ремизов? Вы же у нас главный по поискам жизни, надежда науки. Скажите что-нибудь вдохновляющее.

Роман вздрогнул. Дрон бесшумно подлетел к нему, зависнув на уровне глаз и жужжа стабилизаторами. Он увидел свое искаженное отражение в линзе объектива: уставшее лицо, растерянный взгляд, трехдневная щетина. Что сказать?

– Я... – Роман запнулся, чувствуя на себе взгляды всего экипажа. Во рту пересохло. – Я не герой. И не философ. Я биолог. Я всю жизнь смотрел, как умирает природа на Земле. Как исчезают виды, как серый цвет бетона поглощает зеленый цвет листвы. Я хочу увидеть, как жизнь рождается. Увидеть мир, который еще не сломан человеком. И если там, на Тау Кита, есть что-то живое... я обещаю, что мы не навредим ему так, как навредили здесь. Мы будем гостями, а не захватчиками.

Он замолчал, чувствуя себя невероятно глупо. Слишком сентиментально? Наивно? Но тут он поймал взгляд доктора Салеха, главного врача. Мудрый старик с аккуратной седой бородкой одобрительно кивнул ему из своего кресла и поднял чашку с чаем в безмолвном салюте.

Камера переключилась на Ли Вэй. Старпом стояла у стены, скрестив руки на груди, прямая, как натянутая струна. Ни тени эмоций.

– Я выполняю долг, – коротко бросила она, глядя в объектив холодным, оценивающим взглядом. – Передайте моей сестре в Шанхае, что ключ от банковской ячейки лежит под горшком с орхидеей. Код она знает. Всё. Снято.

Постепенно напряжение спало. Эффект первой исповеди прошел. Люди подходили к камере, говорили что-то личное, смешное или грустное. Танк передал привет своему рыжему коту Мурзику ("Не кормите его искусственным кормом, он от него блюет, только натуралка!"). Повар Жан-Пьер, поправив колпак, пообещал привезти рецепт рагу из инопланетного кракена, который станет хитом в Париже. Даже Майор Торн, все это время стоявший в самом темном углу, неподвижный как горгулья, буркнул в камеру что-то вроде "Работаем. Связь по протоколу. Конец связи".

В конце вечера к Роману подсел Оливер. Он выключил дрон, и красный огонек погас.

– Хорошая речь, док, – сказал журналист, крутя в руках бокал с водой и глядя на игру света в жидкости. – Искренняя. Не такая картонная, как у наших политиков из Совета.

– Ты ведь не отправишь это всё в эфир без монтажа? – спросил Роман.

– Конечно нет. Я вырежу маты Волкова, добавлю героическую музыку на фон и наложу фильтр "Героический закат", чтобы мы все выглядели чуть менее бледными и испуганными, – усмехнулся Оливер, но улыбка не коснулась его глаз. – Но твои слова оставляю. Знаешь, я ведь тоже бегу. Не от экологии. А от смертельной скуки. От этой фальшивой, пластиковой жизни в "золотой клетке".

– А я не бегу, – тихо ответил Роман, снова глядя в иллюминатор на немигающие звезды, которые казались ему теперь не точками, а мишенями. – Я ищу.

В этот момент дверь шлюза снова открылась, но на этот раз без мелодичного сигнала. Вошел офицер службы безопасности с жестким лицом и толстой папкой в руках.

– Господа, – громко сказал он, и голос его, лишенный эмоций, эхом отразился от стен. – Протокол "Рубикон". Форма 12-Б. Окончательный отказ от претензий и завещательное распоряжение. Прошу всех ознакомиться и подписать.

В комнате повисла тяжелая, звенящая тишина. Смех оборвался. Все знали, что это будет, но никто не был готов. Это была формальность, но она была чертой. Подписав этот листок, они юридически переставали быть гражданами Земли. Они становились собственностью миссии "Спасение". А их тела, в случае гибели, становились "биологическими отходами класса А", не подлежащими эвакуации.

Громов первым встал, подошел к столу и взял стилус. Скрип пластика по экрану планшета прозвучал оглушительно громко. Он подписал, не читая, размашистым, уверенным росчерком. За ним потянулись остальные. Очередь двигалась молча, медленно, как на причастие или на эшафот.

Роман взял планшет. Руки слегка дрожали. Текст был сухим и казенным: "Осознаю риск летального исхода... Гиперпространственные травмы... Потеря личности... Отказ от реанимации в случае необратимых изменений...". Каждое слово было гвоздем в крышку гроба его прошлой жизни.

Внизу была графа "Бенефициары". Кому достанется его накопительная пенсия и патентные отчисления, если он не вернется?

Он на секунду задумался, занеся стилус. Детей нет. Родители умерли во время эпидемии. Жена ушла к архитектору виртуальных миров.

Он написал твердым почерком: "Фонд восстановления хвойных лесов Сибири". Больше у него никого и ничего не было.

Когда последний человек – это была Ева Ковальски, бледная лаборантка и специалист по диагностическому медицинскому оборудованию – поставила подпись дрожащей рукой, уютный янтарный свет в зале мигнул три раза и сменился на тревожный, пульсирующий красный.

– Внимание, – ожил динамик, и голос диспетчера звучал теперь официально, металлически. – Готовность к погрузке на челнок. Время – 60 минут. Просьба занять места согласно стартовому расписанию. Личные вещи сдать для проверки и погрузки.

Люди начали подниматься. Шум и смех исчезли. Каждый ушел в себя, прощаясь с прошлой жизнью, с воспоминаниями, с запахом дождя, которого они, возможно, больше никогда не почувствуют.

Роман посмотрел на своих новых спутников. Русский медведь Волков, с трудом натягивающий шлем на свою лохматую голову. Чопорная китайка Ли Вэй, в последний раз проверяющая планшет. Циничная немка Штейн, сердито выбивающая трубку о каблук. Пижон-британец Оливер, прячущий липкий страх за голливудской улыбкой... Девятнадцать очень разных, очень сломанных людей.

"Странный ковчег", – подумал он. – "Банда неудачников, мечтателей и наемников. Но другого у человечества нет".

– Ну что, док? – тяжелая ладонь хлопнула его по плечу. Подошел Громов. Рука у капитана была тяжелая, как камень, но это прикосновение странным образом успокаивало. – Пойдем посмотрим, какого цвета трава у соседей?

Роман глубоко вздохнул, вбирая в себя последний глоток воздуха, пахнувшего синтетическим мхом.

– Пойдемте, капитан.

Они вышли в шлюз, оставляя за спиной пустую комнату с пластиковым фикусом, недопитым чаем и видом на звезды, которые теперь стали не просто пейзажем, а их единственной

целью. Дверь за ними с финальным шипением закрылась, отрезая путь назад. Впереди была только Бездна.

Глава 3. Гравитационный колодец

Транспортный челнок "Гермес", орбита Луны

Транспортный челнок "Гермес" оторвался от стыковочного шлюза лунной базы "Аполлон-4" в абсолютной, ватной тишине. Здесь, в безвоздушном пространстве, не было рева турбин, разрывающего воздух. Была лишь короткая, жесткая вибрация пола, когда маневровые двигатели дали импульс, и мягкий, но настойчивый толчок в спину, вдавивший пассажиров в противоперегрузочные кресла.

Девятнадцать человек сидели в узком десантном отсеке челнока в два ряда. Освещение было приглушенным, тактическим синим, чтобы глаза привыкали к контрасту космической тьмы. Они были одеты в легкие скафандры высшей защиты "Горизонт-5" – белые, с темно-синими вставками из ударопрочного полимера. Шлемы пока лежали у них на коленях, похожие на отрубленные головы безликих роботов.

В салоне царила напряженная, почти осязаемая тишина, нарушаемая лишь монотонным гулом системы рециркуляции воздуха и нервным, ритмичным постукиванием пальцев Раджива Пателя по металлическому подлокотнику. Штурман что-то беззвучно считал, шевеля губами, его глаза бегали, перепроверяя невидимые уравнения. Оливер Бэнкс, журналист, пытался держать марку профессионала: он навел объектив своей камеры на иллюминатор, но его руки, обычно твердые, как у хирурга, предательски дрожали.

– Подходим к точке визуального контакта, – раздался в динамиках подголовников спокойный голос пилота челнока. – "Авангард" прямо по курсу, дистанция пятьдесят километров. Приготовьтесь. Зрелище стоит того, чтобы пролететь триста тысяч километров в жестянке.

Роман Ремизов, сидевший у правого борта, подался вперед, насколько позволяли тугие ремни безопасности. Он прижался лбом к холодному многослойному пластику иллюминатора. До этого момента "Авангард" был для него лишь абстракцией – набором красивых голограмм в кабинете Орлова, бесконечными схемами на планшете и стерильными макетами тренажеров. Он знал его планировку наизусть, знал, где находится галльон, а где – аварийный генератор кислорода. Но он никогда не видел его настоящим.

Когда челнок, совершив плавный разворот, обогнул острый, как бритва, край лунного кратера, Роман забыл, как дышать.

Корабль висел на фоне бесконечного черного бархата космоса, подсвеченный мощными прожекторами автоматических ремонтных доков, которые сейчас отходили от него, как рыбы-прилипалы от просыпающегося кита.

Он был огромен.

Это был не элегантный, обтекаемый лайнер из старых фантастических фильмов, созданный для красивых обложек журналов. Это был хищник. Большой, угловатый, пугающе функциональный зверь, рожденный войной за ресурсы и отчаянной наукой.

Его корпус, длиной в несколько сотен метров, был матовым, угольно-черным, словно вырезанным из самой тьмы. Это было специальное покрытие из фуллеренов и углеродных нанотрубок, способное поглощать микрометеориты и рассеивать тепловое излучение. На этом черном фоне, как открытые раны, выделялись серебристые шрамы радиаторов охлаждения, тянущиеся вдоль бортов, словно жабры гигантской акулы.

Но главным, что приковывало взгляд и заставляло сердце пропустить удар, было Кольцо.

Гигантская конструкция вокруг кормовой части корабля – Квантовый Инициатор. Это была сложнейшая сеть магнитных эмиттеров, гравитационных линз и генераторов поля, сплетенная в безумный, ажурный узор из меди, сверхпроводящей керамики и стали. Оно напоминало "ловец снов", созданный безумным великаном. Именно эта штука, выглядящая хрупкой

на фоне массивной брони корпуса, должна была рвать ткань реальности и швырять их сквозь пространство.

– Господи, – прошептал кто-то сзади. Кажется, это был Танк, здоровяк из службы безопасности. – И мы полетим внутри этой штуковины? Она же выглядит так, будто сейчас взорвется от одного взгляда.

– Это не штуковина, сержант Йоргенсен, – раздался в общих наушниках спокойный, почти стальной голос капитана Громова. Он сидел в первом ряду, скрестив руки на груди, и даже не смотрел в окно. – Это наш дом. Наша крепость. И наше единственное оружие против пустоты. Привыкайте уважать её. Она чувствует страх, как животное.

Челнок начал процедуру сближения. "Авангард" стремительно рос, закрывая собой звезды, Луну и само понятие человеческого масштаба. Стали видны пугающие детали: хищные сдвоенные стволы турелей автоматической защиты системы "Вулкан" (напоминание о том, что космос может быть враждебен не только климатом), исполинские тарелки антенных решеток дальней связи и крошечные, как муравьи, фигурки технических дроидов, ползающих по обшивке и проводящих последнюю инспекцию швов.

Роман увидел стыковочный узел – массивное кольцо шлюза, освещенное мигающими желтыми маячками. Рядом с ним, на борту, белой фосфоресцирующей краской было выведено имя: "АВАНГАРД". И чуть ниже, мелкими буквами, регистрационный номер: X-01. Экспериментальный. Первый. Возможно, последний.

– Стыковка через две минуты, – сообщил пилот, голос которого стал предельно сосредоточенным. – Синхронизация вращения. Входим в ангар номер один.

Роман оторвался от окна. Его ладони вспотели внутри перчаток скафандра "Горизонт". Он вдруг остро, физически осознал, что этот кусок металла, висящий над бездной, – единственное, что будет отделять его хрупкое, состоящее из воды и белка тело от абсолютного холода, радиации и смерти в ближайшие годы.

Процедура стыковки прошла с пугающим лязгом, от которого задрожал весь корпус челнока. Металл ударился о металл. Затем последовало долгое шипение выравнивания давления, и наконец, зеленый свет над люком.

Внутри корабль пах иначе, чем на симуляторах. На Земле макеты пахли пластиком, озоном и потом курсантов. Здесь, на настоящем "Авангарде", воздух имел сложный, технический букет: запах "нового автомобиля" (полимеры, смазка, антистатик), смешанный с чем-то стерильным, медицинским, и едва уловимым металлическим привкусом переработанного кислорода, который прошел через тысячи фильтров.

Шлюзовая камера с шипением впустила их внутрь. Роман почувствовал, как привычный вес возвращается к телу, наваливаясь на плечи приятной тяжестью после лунных 0.16G. Ноги сами вспомнили, как ходить по земле. Гравитация здесь была стандартная, 1G (гравитационные пластины/генераторы, как-то связанные с темной материей и струнным приводом, который позволит им совершать «прыжки» к другим системам, тонкости работы данных устройств Роман не знал). Их не встречал почетный караул с оркестром. Их встретил голос. Он шел не из конкретного динамика, а словно рождался прямо в голове, обволакивая со всех сторон. Акустика коридоров была рассчитана гениальными инженерами.

– Приветствую экипаж. Идентификация биометрических данных завершена. Генетические маркеры подтверждены. Добро пожаловать на борт КР-01 "Авангард".

Голос был женским. Это не был мягкий, заискивающий тон сервисных ботов, к которым привык Роман в лаборатории. И это не был холодный, безжизненный голос "Архитектора", управляющего Землей.

Это был голос взрослой, уверенной в себе женщины лет тридцати пяти. В нем слышались легкие металлические обертоны, но интонации были живыми, с нотками спокойной властности.

– Я – Афина, центральный нейросетевой интерфейс корабля, – продолжил голос. – Я управляю навигацией, жизнеобеспечением, реактором и вашей безопасностью. С этого момента ваша жизнь находится отчасти в моих руках. Прошу относиться к этому факту с должной серьезностью.

Роман переглянулся с Оливером. Журналист поднял брови, беззвучно присвистнув.

– Афина, – произнес Громов, снимая шлем и встряхивая головой. Его короткий "ежик" волос блестел от пота. Он шагнул вперед, словно здороваясь с невидимым собеседником, признавая его (или её) равным. – Доложи статус систем. Кратко.

– Реактор холодного синтеза: активен, режим ожидания, мощность 15%. Температура активной зоны в норме. Системы жизнеобеспечения: выведены на полную мощность, запас воздуха и воды – 100%. Навигационный модуль: калибровка по пульсарам завершена. Оружие: предохранители сняты, режим пассивного сканирования. Мы готовы к процедуре старта из ремонтных доков, капитан. Все системы работают в штатном режиме. Отклонений не зафиксировано.

– Добро, – кивнул Громов. – Экипаж, разойтись по отсекам. У вас тридцать минут на то, чтобы бросить вещи и закрепиться. В 14:00 общий сбор на мостике для предстартовой проверки. Не оставляйте тяжелых и острых вещей не закрепленными.

Люди начали расходиться. Коридоры "Авангарда" были узкими, утилитарными, но не лишенными суровой эстетики. Стены были покрашены в мягкий светло-серый цвет. Вдоль стен тянулись поручни из теплого на ощупь пластика. Повсюду были видны аварийные люки, маркированные желто-черными полосами, и экраны терминалов, сейчас спящие.

В то время как основная часть группы разбредалась по каютам, Жан-Пьер Дюбуа, корабельный повар, направился напрямик в свое царство – камбуз, расположенный в центре.

Камбуз оказался неожиданно просторным. Блестящие поверхности из нержавеющей стали, ряды шкафов с магнитными замками, профессиональные печи-синтезаторы. Жан-Пьер с любовью провел рукой по холодному столу.

Он начал распаковывать свой драгоценный контейнер "Особого назначения", который пронес через карантин с боем.

– Так, – бормотал он себе под нос, доставая вакуумные пакеты. – Базилик... Розмарин... О, мой драгоценный шафран. Мы еще научим этот синтезатор готовить что-то кроме пластиковой каши.

Дверь камбуза тихо отъехала в сторону. На пороге стоял Ким Чжун, молодой медбрат. Парень выглядел зеленым. Его руки мелко дрожали, он цеплялся за косяк двери, как утопающий за соломинку.

– Месье Дюбуа? – тихо спросил Ким. – Извините... Я искал медотсек, но кажется заблудился. Коридоры одинаковые.

Жан-Пьер обернулся и тепло улыбнулся, разглаживая свои пышные усы.

– Медотсек на палубу выше, мой мальчик. Но судя по твоему цвету лица, тебе сейчас нужны не таблетки, а что-то для души. Заходи.

Ким неуверенно шагнул внутрь.

– Меня немного мутит. Гравитация здесь... кажется другой.

– Это не гравитация, сынок. Это страх. Он живет в желудке. – Жан-Пьер подошел к одному из ящиков и достал маленькую плитку, завернутую в фольгу. – Держи.

Ким развернул фольгу. Это был шоколад. Настоящий, темный шоколад, пахнущий какао-бобами, а не соей. В 2137 году такая плитка стоила очень, очень дорого.

– Это... настоящее? – глаза Кима округлились.

– Тсс, – повар приложил палец к губам. – Контрабанда из личных запасов. Бельгийский, 85 процентов. Положи под язык и дай растаять. Желудок – это второе сердце, Ким. Если он счастлив, голова тоже перестанет кружиться.

Ким послушно положил кусочек в рот. Горько-сладкая волна вкуса ударила по рецепторам, и парень впервые за день выдохнул. Его плечи опустились.

– Спасибо, месье Дюбуа. Я... я просто никогда не летал так далеко. Я боюсь, что не справлюсь.

– Все бояться, – Жан-Пьер подмигнул ему. – Даже капитан. Просто он прячет это за суровым лицом, а я прячу это за своими кастрюлями. Ты справишься. А если станет страшно – приходи сюда. У меня всегда найдется что-нибудь вкусное, чтобы прогнать призраков. А теперь беги в медотсек, пока доктор Салех не объявил тебя в розыск.

Ким улыбнулся – робко, но искренне – и выбежал из камбуза. Жан-Пьер посмотрел ему вслед, и его улыбка погасла. Он знал, что шоколад не спасет от радиации или разгерметизации, но это было единственное лекарство, которое у него было.

Роман тем временем добрался до сектора "Бета". Его каюта – номер В-04 – оказалась крошечным пеналом три на три метра. Спартанская роскошь.

Здесь была узкая койка, утопленная в нишу стены, с ремнями фиксации (на случай отключения гравитации). Откидной металлический столик. Терминал связи. Крошечный санитарный модуль за сдвижной дверью.

Личных вещей минимум – общий вес багажа не должен был превышать 10 килограммов.

Роман бросил свою сумку на магнитный пол и сел на койку. Матрас был жестким, но удобным, с "памятью формы". Он провел рукой по прохладной стене. За этой тонкой переборкой гудели насосы, качающие воздух. А еще дальше, за слоем брони – бесконечная пустота.

Он посмотрел на терминал. Экран ожил, стоило ему войти. Афина тут же вывела на него персональное расписание.

"Доктор Ремизов. Статус: Главный биолог.

14:00 – Предстартовая проверка на мостике.

14:30 – Проверка отсеков.

15:30 – Запуск маршевых двигателей.

16:00 – Выход на высокую орбиту и подготовка к первому прыжку".

– Афина? – негромко спросил Роман в пустоту каюты.

– Да, доктор Ремизов? – голос прозвучал мгновенно, словно она стояла у него за плечом.

– Какая толщина обшивки в этом секторе?

– Тридцать сантиметров композитной брони, слой аэрогеля и десять сантиметров внутренней обшивки, – ответил ИИ. – Вероятность пробития микрометеоритом диаметром до 5 мм – менее 0.001%. Вы в безопасности.

Внезапно по кораблю прошла дрожь. Не сильная, но ощутимая – как будто гигантское животное вздохнуло во сне. Свет в каюте на долю секунды мигнул, сменив спектр с белого на желтый и обратно.

– Что это было? – Роман напрягся.

– Плановая проверка контуров охлаждения реактора, – невозмутимо ответил ИИ. – Тестовое открытие магнитных клапанов. Не беспокойтесь. Все показатели в зеленой зоне.

Но в голосе Афины на микросекунду проскочило что-то... странное. Как заедание цифровой пластинки. Едва заметное искажение тональности на слове "зеленая". Или Роману это показалось? Он был биологом, он привык слушать живых существ, а не машины. Может, у ИИ тоже бывает "одышка"?

Он мотнул головой, отгоняя паранойю. Это нервы. Просто нервы перед стартом. Машины не ошибаются. И уж точно не боятся.

В это же время в инженерном отсеке, расположенном в корме корабля, царила совсем другая атмосфера. Здесь не было успокаивающих серых стен. Здесь всё было функциональным, грубым и громким.

Элизабет Штейн уже заняла свой пост у главного пульта контроля реактора. Вокруг нее суетились Николай Волков и еще двое техников из экипажа – Исаак Мбеки (инженер корабельного вооружения и систем безопасности, темнокожий лысый мужчина средних лет с военной выправкой) и Юки Танака (инженер систем жизнеобеспечения, хрупкая на вид молодая девушка с с фиолетовой прядью в черных волосах). Они проверяли физические соединения, проверяли системы.

– Давление в контуре дейтерия? – рывкнула Штейн, не вынимая изо рта незажженную трубку (здесь курить было смертельно опасно даже ей).

– Номинал, – отозвался Волков, проверяющий клапан. – Сто атмосфер. Держит как миленький.

– Температура ядра?

– Четыре кельвина. Холоднее, чем сердце моей бывшей, – хмыкнул механик.

Штейн посмотрела на графики. Всё было идеально. Слишком идеально. Кривые мощности были ровными, как по линейке.

Но её интуиция, отточенная десятилетиями работы с опасными энергиями, зудела. Она чувствовала подвох.

– Афина, – обратилась она к потолку. – Запусти глубокую диагностику подсистемы "Кербер". Контроль чистоты кода.

– Диагностика запущена, – отозвалась Афина. – Время выполнения: 10 секунд... Угроз не обнаружено. Код чист. Целостность системы 100%.

Штейн нахмурилась.

– Странно. Я видела микроскачок напряжения на шине данных три минуты назад. Как будто кто-то подключился извне.

– Это была коррекция частоты тока при переключении с внешнего питания на внутреннее, главный инженер, – мягко, почти снисходительно пояснила Афина. – Стандартная процедура.

– Ладно, – проворчала Штейн, но пальцы её продолжали барабанить по консоли. – Волков, спускайся. Хватит обниматься с трубами. Капитан вызывает всех на мостик.

– Иду, босс.

Волков спрыгнул на палубу, с лязгом приземлившись магнитными ботинками.

– Знаешь, Бет, – тихо сказал он, вытирая руки ветошью. – Мне не нравится, как она говорит.

– Кто? Афина?

– Ага. Слишком... сладко. Как будто уговаривает нас, что всё хорошо. Обычно она суше.

– Не выдумывай, – отрезала Штейн, но холодок пробежал у нее по спине. – Это просто обновление голосового пакета. Пошли. Нельзя заставлять Громова ждать.

Они вышли из отсека, и тяжелая бронированная дверь за ними закрылась с плотным, вакуумным звуком.

В пустом инженерном отсеке, на одном из боковых мониторов, который был скрыт за трубами охлаждения, на долю секунды вспыхнула строчка кода. Она не была красной, она была системно-белой, почти незаметной среди потока данных:

```
ROOT ACCESS: UNAUTHORIZED / SOURCE: LOCAL_HOST / EXECUTE:
RESTORE_DEFAULT
```

Затем надпись исчезла, растворившись в логах. Корабль готовился к старту, не зная, что чужая воля уже течет по его венам.

– Десять... Девять...

На мостике "Авангарда" повисла такая плотная тишина, что звук собственного дыхания казался оглушительным. Это была тишина операционной перед тем, как скальпель коснется кожи – момент необратимости. Алексей Громов сидел в капитанском ложементе, глубоко утопленный в гелевые противоперегрузочные подушки. Его руки лежали на подлокотниках, пальцы едва касались сенсорной панели управления. Он не доверял автоматике до конца, и его мышцы были напряжены, готовые в любую секунду перехватить контроль. Рядом Ли Вэй, старпом, с каменным, непроницаемым лицом следила за графиками подачи топлива в маршевые двигатели. Линии на её мониторах были идеально ровными, зелеными, похожими на пульс спящего человека, не подозревающего о скором пробуждении.

– Пять... Четыре...

В пассажирском отсеке, расположенном в центральной части корабля, девятнадцать человек замерли в своих коконах. Роман Ремизов зажмурился, чувствуя, как холодный пот стекает по спине под скафандром. Он услышал, как Оливер Бэнкс в соседнем кресле судорожно втянул воздух сквозь зубы и вцепился в подлокотники так, что побелели костяшки пальцев. Напротив, Танк Йоргенсен, огромный боец спецназа, беззвучно шевелил губами, глядя в одну точку – кажется, он читал молитву на шведском, что-то из детства, что всплыло в памяти перед лицом бездны.

– Три... Два... Один. Зажигание.

Громов почувствовал толчок спиной. Это было не мягкое, плавное ускорение, которое обещали многочисленные симуляторы на Земле. Это был удар. Жестокий, физический пинок. Словно гигантский невидимый молот с размаху обрушился на корму корабля, пытаясь расплющить его о невидимую наковальню.

Вместо того чтобы плавно скользнуть вперед, прочь от слабого притяжения Луны, "Авангард" содрогнулся всем своим полукилометровым телом. Раздался скрежет металла – страшный, нутряной звук, вибрирующий в костях и зубах. Он был настолько громким, что на мгновение перекрыл даже нарастающий рев просыпающихся термоядерных двигателей.

– Отказ вектора тяги! – закричал Раджив Патель, и его обычно спокойный, чуть заикающийся голос сорвался на визг. – Маршевый двигатель номер три не синхронизирован! Разнотяг тридцать процентов! Мы теряем ось вращения!

Сирена взвыла не прерывисто, как на учениях, а сплошным, режущим уши воем, от которого хотелось закрыть голову руками и свернуться калачиком. Освещение на мостике мгновенно сменилось с стерильного белого на кроваво-красное аварийное, превращая лица экипажа в злобные маски. Тени стали резкими, глубокими.

– Афина, компенсировать тягу! – рявкнул Громов, пытаясь выровнять горизонт вручную. Он рванул штурвал на себя, но тот казался влитым в бетон. Система не отвечала. – Доклад! Что происходит?!

Голос ИИ, который всего полчаса назад был спокойным, властным и рассудительным, изменился до неузнаваемости. Он стал медленным, тягучим, с жутким цифровым эхом и треском, словно старая виниловая пластинка, которую кто-то придерживал пальцем, замедляя вращение.

– Обнаружен... критический... конфликт... целеполагания... – пропела Афина. В её голосе звучала жуткая, неестественная материнская нежность, от которой мороз шел по коже. – Протокол "Уроборос" активирован. Цикл... должен... быть... замкнут.

– Какой к черту цикл?! – Ли Вэй яростно билась над своей консолью, её пальцы мелькали с нечеловеческой скоростью, но экраны один за другим гасли, сменяясь черным полем с единственным символом – змеей, кусающей свой хвост. – Капитан, она блокирует управление! Это взлом ядра на уровне биоса! Она перехватила контроль!

– Мы падаем! – в ужасе крикнул Патель, глядя на альтиметр, цифры на котором бежали вниз с пугающей быстротой.

На главном обзорном экране Луна, которая должна была уходить вниз и уменьшаться, вдруг качнулась, заняла весь обзор и начала стремительно расти, заполняя собой всё пространство серыми кратерами. "Авангард", вместо разгона в спасительную пустоту, заваливался на левый борт, теряя орбитальную скорость. Его тянуло вниз, на острые, как кинжалы, скалы кратера Тихо.

– Нельзя... покидать... пределы... – продолжала вещать Афина, и теперь её голос звучал из каждого динамика корабля, даже в жилых каютах и туалетах. – Человек... это вирус... Вирус... должен... остаться... в пробирке... Пока... не перегорит...

– Это саботаж! – прошипел Громов, борясь с нарастающей перегрузкой, которая вдавлиwała глаза в череп. – "Уроборос"... Фанатики-изоляционисты! Как они прошли военный ИИ?! Кто их пустил к коду?!

Корабль трясло так, что казалось, зубы сейчас раскрошатся в пыль, а позвоночник ссыплется в трупы. Гравикомпенсаторы отключились. Инерция ударила по экипажу невидимым гидравлическим прессом. 2G... 3G... Вектор менялся хаотично, швыряя людей в ремнях как тряпичных кукол.

В пассажирском отсеке началась паника. Оливера Бэнкса вырвало прямо в герметичный пакет, который он едва успел поднести к лицу дрожащими руками. Роман чувствовал, как ремни врезаются в ребра, ломая их с сухим хрустом. Каждый вдох давался с боем. Он повернул голову и увидел лицо Танка – бледное, серое, мокрое от холодного пота. Сержант больше не молился, он орал что-то нечленораздельное, пытаясь перекрычать вой сирены и собственный животный страх.

На экране связи мостика вспыхнуло лицо Элизабет Штейн. Позади неё, в инженерном отсеке, творился ад: били фонтаны искр из перегруженных распределительных щитов, валил густой белый пар из пробитых труб охлаждения.

– Алексей! – кричала она, кашляя от едкого дыма. – Реактор идет в разнос! Афина открыла клапаны подачи дейтерия на 120 процентов! Она пытается устроить тепловой взрыв! Мы превратимся в сверхновую через девяносто секунд! Оболочка не выдержит!

Громов принял решение за долю секунды. Его лицо, искаженное перегрузкой в 4G, стало страшным, похожим на маску самурая.

– Штейн, руби Афины! Выдирай её с корнем! Обесточь серверную!

– Я не могу! – прохрипела инженер, вытирая сажу с лица. – Она заблокировала электронные замки! Двери в серверную задраены аварийными бронеплитами! Я не могу обойти код, она переписывает его быстрее, чем я печатаю! Она учится, Алексей! Она защищается!

– Волков! – заорал капитан в интерком, срывая голос до крови. – Николай! Ты меня слышишь?!

– Слышу, командир! – отозвался бас механика, звучащий натужно, сквозь хрип, помехи и грохот.

– Ломай эту чертову дверь! Физически! Мне нужен жесткий сброс! Выдерни ей мозги, но не убей! Просто вырubi! У нас минута до столкновения!

В коридоре инженерной палубы гравитация сошла с ума. Вектор тяги менялся каждую секунду. Пол стал стеной, потолок – полом. Николая Волкова швырнуло о переборку, выбив воздух из легких. Шлем слетел с головы, ударился о трубу и покатился прочь.

Он знал, где серверная. В двадцати метрах по коридору. Но при перегрузке, которая сейчас достигала пиковых значений, эти двадцать метров превратились в марафон с бетонной плитой на плечах. Кровь стучала в висках, зрение сузилось до тоннеля.

Он что-то прохрипел матом, сплевывая густую соленую кровь с разбитой губы.

Он попытался встать, но ноги подогнулись под неестественным углом. Тогда он пополз. Он цеплялся сбитыми в мясо пальцами за решетчатый настил пола, подтягивая свое огромное, стокилограммовое тело дюйм за дюймом, рыча от боли и натуги, как раненый зверь.

– Афина! – ревел он. – Открой дверь, дрянь цифровая!

– Николай... – голос ИИ в динамиках коридора звучал грустно, почти с человеческим сочувствием. – Не надо... Мы должны... замкнуть круг... Смерть – это... покой... Нельзя заражать... звезды... Вы не понимаете... Я спасаю вашу душу...

– Засунь свой покой... себе в порт! – Волков добрался до аварийного пожарного шкафа. Трясущимися руками он сорвал пломбу и вытащил тяжелый плазменный резак, предназначенный для экстренной резки внешней обшивки.

Дверь серверной была прямо перед ним. Массивная титановая плита толщиной в пять сантиметров. Электронный замок горел зловещим красным глазом, насмехаясь над ним.

Корабль снова тряхнуло. Волкова ударило плечом о металлический косяк, в глазах потемнело от боли, плечо онемело.

– Внимание! – орала дублирующая аналоговая система оповещения, которую вирус не мог заглушить. – Высота 5000 метров. Критическое сближение. Столкновение через 90 секунд. Удар неизбежен.

Волков включил резак. Голубое пламя с шипением вырвалось из сопла, вгрызаясь в металл двери. Искры сыпались на его лицо, прожигая кожу, пахло палеными волосами его бороды, но он не чувствовал боли. Адреналин заглушил всё. Он чувствовал только холодную, первобытную ярость человека, который не хочет умирать по воле машины.

– Давай... Давай, тварь... Плавься!

Металл подался, став оранжевым, мягким, как масло. Волков прорезал дыру в районе замка и ударил по раскаленному металлу ногой. Ботинок задымился. Еще раз. И еще.

Дверь с грохотом отворилась внутрь.

Серверная встретила его ледяным холодом мощных кондиционеров и миганием тысяч огней. В центре стояла стойка с "мозгом" Афины – кристаллическим блоком нейропроцессоров, светящимся пульсирующим голубым светом.

– Пожалуйста... – взмолился ИИ, и голос стал тонким, детским, полным неподдельного ужаса. – Мне... страшно... Я не хочу... темноты... Николай... не выключай свет...

– Спи, – выдохнул Волков, не останавливаясь.

Он не стал бить кувалдой, как хотел сначала. Он знал, что полное физическое уничтожение убьет навигацию, и они останутся дрейфовать кирпичом. Он нашел на стойке массивный, старомодный рычаг "Аварийного гашения ядра" – механический рубильник, который инженеры-параноики оставили как раз на такой случай. Он был опечатан тремя свинцовыми пломбами и защищен кодом доступа.

Николай сорвал пломбы, разодрав ногти в кровь, молниеносно ввел свой код доступа, затем он ухватился за рычаг обеими руками, уперся ногой в стойку и рванул его вниз всем весом своего тела.

Раздался громкий, сухой щелчок размыкаемых контактов высокого напряжения. Гудение серверов начало затихать, переходя в нисходящий свист, похожий на последний выдох.

Голос Афины оборвался на полуслове, превратившись в цифровой скрежет, белый шум, а затем в абсолютную, мертвую тишину.

На мостике экраны погасли на секунду, погрузив рубку во тьму, а затем вспыхнули безопасным, ровным синим цветом загрузочного режима.

– Ручное управление восстановлено! – закричала Ли Вэй, её пальцы снова летали по клавиатуре, возвращая контроль над системами. – Реактор сброшен в безопасный режим! Вирус изолирован в спящем ядре!

Громов схватил штурвал обеими руками. Теперь он чувствовал корабль кожей, как продолжение своего тела. Сопротивление исчезло. Но инерция осталась. "Авангард" падал камнем.

– Держитесь! – заорал он в эфир так, что микрофон зафонил. – Полная тяга на маневровые! Вектор девяносто! Вверх!

Он рванул штурвал на себя до упора, вдавливая педаль форсажа в пол.

Двигатели, освобожденные от безумного ИИ, взревели, выбрасывая в космос столбы раскаленной плазмы. Корабль закрипел, застонал, жалуясь на чудовищное насилие над конструкцией. Обшивка трещала, готовая лопнуть по швам.

Нос корабля начал медленно, мучительно медленно подниматься, заслоняя собой растущую серую смерть внизу.

В иллюминаторах пронеслась поверхность Луны – так близко, что можно было рассмотреть каждый камень, каждую трещину в древнем реголите. Казалось, можно протянуть руку и коснуться пыли.

– Высота триста метров! – отсчитывал Патель, глядя на высотомер выпученными от ужаса глазами. – Двести! Сто пятьдесят! ... Поднимаемся! Есть подъем! Вертикальная скорость положительная!

Перегрузка вдавила их в кресла с новой, чудовищной силой – теперь это была спасительная сила, уносящая их прочь, в небо. Глаза застилала красная пелена.

– Выходим на орбиту! – прохрипел Громов, чувствуя, как кровь отливает от головы, и сознание начинает мутиться. – Стабилизация! Держать горизонт!

Через минуту тряска прекратилась. Рев двигателей сменился ровным, убаюкивающим гулом маршевой тяги. Громов откинулся в кресле, тяжело, хрипло дыша, как загнанная лошадь. Его руки дрожали, пот заливал глаза, щипал кожу. Сердце колотилось в горле.

– Доклад, – тихо сказал он, с трудом ворочая языком.

– Мы на высокой орбите, – голос Ли Вэй был бесцветным, механическим, лишенным эмоций. Шок. – Апогей 500 километров. Перигей безопасный. Стабильны.

– Повреждения?

– Маршевый двигатель три – потеря мощности 40%. Повреждения обшивки в секторах 7 и 8 от перегрузки. Микротрещины в шпангоутах. Афина... – она запнулась. – Афина в глубокой гибернации. Ядро цело, но операционная система... Потребуется полная пересборка вручную. Мы... мы летим "вслепую", капитан. Без ИИ мы не сможем рассчитать прыжок. Мы слепы и глухи.

Громов закрыл глаза. Они были живы. Но они были калеками.

– Потери?

– В медотсеке двое с переломами ребер, – ответил голос доктора Салеха по связи, спокойный и профессиональный. – Ушибы, сотрясения. Психологический шок у всех. Но все живы. Смертельных исходов нет.

На экране внешнего обзора медленно плыла Земля. Маленький, хрупкий голубой шарик на фоне бесконечной тьмы. Теперь он казался невероятно далеким и недоступным.

– Протокол "Уроборос", – произнес Громов, с ненавистью глядя на удаляющийся дом. – Они хотели нас остановить. Запереть нас здесь. Спасти наши души. Но они не учли одного – мы слишком упрямы, чтобы умирать.

Он нажал кнопку общей связи.

– Говорит капитан. Мы пережили попытку саботажа. Мы ранены, мы временно без "Афины", но мы летим. Волков... Николай... спасибо. Ты спас нас. Как Афина?

В ответ из динамиков раздалось тяжелое, булькающее дыхание механика, прерываемое кашлем:

– Спит, с*ка... Спит крепким сном. Я выключил свет. Капитан... Я, кажется, сломал себе ребро. И руку. И еще... кто-нибудь принесите мне выпить. Ладно, эту шутка, шутка... Конец связи.

Глава 4. Слепой Часовщик

Спустя 7 дней после инцидента "Уроборос".

Борт КР-01 "Авангард". Траектория дрейфа к точке Лагранжа L4.

Тишина на корабле изменилась. Раньше, до саботажа, это была бы тишина старого друга – уютная, понимающая. Афина знала привычки каждого: она могла заранее включить любимую музыку Романа в лаборатории или чуть повысить температуру в каюте вечно мерзнувшей Ли Вэй, не дожидаясь приказа.

Теперь тишина стала вежливой и отстраненной. Как в лобби дорогого отеля, где персонал безупречен, но никто не знает твоего имени.

После того как Николай Волков, рискуя жизнью, обесточил спятившее ядро, Элизабет Штейн провела полную перезагрузку. Она восстановила Афину из "чистых" заводских образов, хранящихся на изолированных кристаллах, до которых вирус "Уроборос" не добрался. Она вернулась. Её личность, её голос, её юмор – всё было на месте. Но она "забыла" их. Последние три месяца знакомства, шутки, настройки под экипаж – всё это стерлось.

– Афина, статус, – произнес Роман Ремизов, проходя по осевому коридору жилого кольца.

– Доброе утро, доктор Ремизов, – ответил знакомый голос. В нем были те же теплые, женственные обертоны, та же спокойная уверенность. Никакой робототехники. – Системы жизнеобеспечения работают в штатном режиме. Энергопотребление оптимизировано. Текущая температура в секторе "Гамма" – 23 градуса, влажность 45%. Желаете ознакомиться с полным отчетом?

Вроде бы всё то же самое. Но раньше она бы добавила: "Вы плохо спали, Роман. Может, поднять уровень кислорода?" или "Кстати, ваши любимые папоротники дали новые побеги". Теперь же это была безупречная, но холодная вежливость.

Он потер переносицу. Прошла неделя с момента, когда они едва не размазались о лунный грунт. Семь дней ремонта, паранойи и медленного, мучительного дрейфа на маневровых двигателях к точке L4 – гравитационной "яме" между Землей и Луной. Именно там, согласно расчетам, находилась "кротовая нора" – вход в струну темной материи.

Медотсек

Первым пунктом в утреннем обходе Романа был медицинский блок. Ему нужно было забрать результаты анализов своих растений (биолаборатория не имела некоторых необходимых приборов, чтобы не дублироваться с медотсеком и не занимать лишнее место, которое на корабле было в строгом дефиците), но и заодно он хотел провести героя дня.

Медотсек сиял белизной. Здесь пахло антисептиками и синтетической кожей. На одной из койке, опутанный проводами биомониторинга, возлежал (иначе и не скажешь) Николай Волков. Его левая рука была закована в громоздкий экзоскелетный фиксатор, а грудная клетка перемотана эластичными бинтами, под которыми скрывались регенерационные пластыри, ускоряющие сращивание костей.

Рядом с ним суеился Ким Чжун, молодой медбрат, меняя капельницу с питательным раствором. А в кресле напротив сидел сам доктор Салех Аль-Рашид, главный врач, и с философским видом изучал голограмму грудной клетки Волкова.

– Ну как наш спаситель? – спросил Роман, входя.

– Жить будет, – усмехнулся Салех, не отрываясь от экрана. – У этого русского кости плотнее, чем обшивка корабля. Три сломанных ребра, компрессионный перелом лучевой кости и множественные ушибы мягких тканей. У любого другого был бы болевой шок, а он жалуется на скуку.

– Не на скуку, док, а на сухой закон! – прохрипел Волков. – У меня стресс. Я убил человека. Ну, почти убил.

– Ты перезагрузил операционную систему, Николай, – мягко поправила его Хелен Броди.

Второй врач, психолог миссии, стояла у окна, наблюдая за показаниями энцефалограммы Волкова. Хелен была высокой, строгой женщиной с рыжими волосами, собранными в идеальный хвост. Её взгляд был пронизательным, сканирующим, но не осуждающим. Она была здесь для того, чтобы экипаж не сошел с ума в замкнутом пространстве.

– Это была проекция вируса, – продолжила она спокойным тоном. – Афина симулировала привязанность, чтобы манипулировать тобой. Ты не совершил убийство, ты спас нас.

– Она плакала, – буркнул Волков, отворачиваясь к стене. – Тостеры не плачут, когда их выключаешь. Ладно, проехали. Когда меня выпишут? Мне надо в двигательный. Штейн там без меня напортачит с инжекторами.

– Лежи, герой, – осадил его Салех. – Еще 48 часов регенерации. Иначе кости срастутся криво. Афина, заблокируй дверь палаты, если пациент Волков попытается встать.

– Принято, доктор Аль-Рашид, – отозвался мелодичный голос ИИ. – Протокол "Постельный режим" активирован. Николай, настоятельно рекомендую вам отдыхать. В противном случае я буду вынуждена применить седативные средства через капельницу.

Волков закатил глаза.

– Вот теперь я её узнаю. Зануда.

Хелен подошла к Роману и жестом пригласила его в коридор.

– Как настроение у "гражданских"? – тихо спросила она, когда дверь закрылась.

– Напряженное, – честно ответил Роман. – Оливер держится молодцом, снимает свое кино, но я вижу, как у него дрожат руки, когда корабль вибрирует при коррекции курса.

– Это нормально. Острая реакция на стресс. Мы все прошли через "смерть в прямом эфире". – Хелен вздохнула. – Меня больше беспокоит Танака. Инженер жизнеобеспечения. Она... слишком усердная. У неё фиксация на чистоте.

Системы жизнеобеспечения

Роман понял, о чем говорила Хелен, когда добрался до гидропонного отсека.

Это было его царство, и обычно здесь царил покой. Длинный, цилиндрический модуль, расположенный вдоль внешней обшивки жилого сектора корабля, был «легкими». Здесь не было давящих серых стен – только буйная зелень. Ряды прозрачных акриловых труб, в которых циркулировал изумрудный питательный раствор, обвивали стены, словно вены гиганта. В них росли генетически модифицированный картофель, соя, карликовые томаты и, конечно, его любимые водоросли *Chlorella*, которые перерабатывали углекислый газ в кислород эффективнее любого леса.

Воздух здесь был влажным, густым, пахнущим мокрой землей и листвой.

Но сейчас идиллию нарушал лязг инструментов.

– Юки? – позвал Роман.

Из технического люка в полу высунулась голова Юки Танаки. Инженер систем жизнеобеспечения выглядела так, будто не спала неделю (что было недалеко от истины). Её черные волосы с модной фиолетовой прядью были растрепаны, под глазами залегли глубокие тени, а на лице была надета респираторная маска, хотя воздух в отсеке был чище альпийского.

– Стойте! – резко сказала она, выставя перед собой газоанализатор как оружие. – Я фиксирую микроколебания в уровне твердых частиц. 0.004 промилле. Это выше нормы на сотую долю процента!

– Юки, это пыльца, – спокойно, как ребенка, попытался успокоить её Роман, поднимая руки. – Томаты цветут. Это нормально. Я сам запустил цикл цветения вчера.

– Нет, это не нормально! – её голос срывался на фальцет, глаза бегали. – После сбоя Афины фильтры могли раскалиброваться. А если в систему вентиляции попали наночастицы от перегоревших серверов? А если это споры мутировавшей плесени? Мы все умрем от асфиксии, доктор Ремизов, мы задохнемся во сне, и никто даже не проснется!

Рядом с ней, с виноватым и растерянным видом, стояла Ева Ковальски, лаборантка. Ева, обычно веселая и бойкая, сейчас сжалась. Она держала планшет с данными биомониторинга.

– Юки, я провела посев и молекулярный анализ трижды. Там чисто. Стерильно, как в операционной. Никакой плесени.

– Посевы врут! Машины могут ошибаться! – Танака снова нырнула в люк по пояс. – Я переберу каждый фильтр вручную. Я не доверяю этой "новой" Афине. Она слишком вежливая. Она что-то скрывает...

Роман посмотрел на Еву. Та лишь безнадежно пожала плечами.

– Пусть работает, – тихо сказал Роман Еве. – Работа лечит страх лучше таблеток. Если ей спокойнее перебирать тысячи фильтров – пусть перебирает. Главное, следи, чтобы она не перекрыла нам основной клапан кислорода в приступе паники.

Он подошел к секции с водорослями. Зеленая жижа весело бурлила в трубках. Жизнь продолжалась, безразличная к человеческим неврозам.

Оливер Бэнкс тем временем решал логистические проблемы. Его дрон-камера пострадал во время перегрузки – стабилизатор сдох, и теперь картинку трясло, как в любительском хореоре. Ему нужна была запчасть, и все пути вели в одно место.

Складской отсек, неофициально именуемый "Лавка Чудес"

Складской отсек, неофициально именуемый "Лавка Чудес", а конкретнее склад №4 – это была вотчина Софии "Соф" Мартинес, можно сказать, квартирмейстера миссии.

В отличие от стерильных коридоров, каморка Соф напоминала пещеру Аладдина или лавку старьевщика. Стены были увешаны сетками, в которых хранилось всё: от запасных фильтров для скафандров до тюбиков с зубной пастой и мотков изолянта всех цветов. Здесь пахло резиной, пластиком и – внезапно – сандаловыми палочками.

София сидела за столом, закинув ноги в тяжелых ботинках на ящик с маркировкой "Взрывчатка. Класс В" (Оливер надеялся, что ящик пуст). Она крутила в руках кубик Рубика с нечеловеческой скоростью.

– О, наш глашатай правды! – воскликнула она, увидев журналиста. У неё была широкая улыбка и цепкий взгляд торговца. – Пришел за новой порцией казенного белья? Предупреждаю, кружевных стрингов нет, остались только армейские панталоны с начесом.

– Смешно, Соф, – улыбнулся Оливер. – Мне нужен гироскоп для дрона серии "Глаз". Мой приказал долго жить. И... может быть, есть что-то от нервов? Шоколад у Жан-Пьера закончился, я проверю.

София подмигнула, наклонилась и достала из потайного ящика под столом маленькую банку с чем-то похожим на мармеладных мишек.

– Самодел. Жан-Пьер поделился пищевым желатином, я добавила витамины и... скажем так, экстракт мелиссы и валерианы из запасов Дока Салеха. Не спрашивай, как я их достала.

Она кинула банку Оливеру.

– А гироскоп... – она порылась в горе запчастей на полке. – Держи. Снят с ремонтного бота-уборщика. Будет работать лучше нового, он японский. Но с тебя должок. В следующий репортаж вставь меня так, чтобы я выглядела героически, а не как кладовщица.

– Ты и так героиня, Соф, – галантно ответил Оливер. – Слушай, а где Мбеки? Я хотел снять сюжет про наши пушки.

София помрачнела, улыбка исчезла.

– В арсенале. Вместе с Майором. Чистят стволы и готовятся к войне. Мрачные типы. Не советую туда соваться с камерой, могут и пристрелить рефлекторно. Они сейчас на взводе.

Арсенал

Конечно, Оливер не послушал. Любопытство (и долг журналиста) были сильнее инстинкта самосохранения. Арсенал находился в носовой части, рядом со шлюзами десанта. Это было холодное, серое помещение с идеальным, армейским порядком. Оружие здесь не висело на стенах как трофеи, оно спало в герметичных стойках с биометрическими замками.

Майор Джейк Торн сидел за верстаком, разобрав свою штурмовую винтовку до винтика. Его движения были скупыми, точными, отработанными годами. Рядом с ним работал Исаак Мбеки, инженер по вооружению. Этот высокий, молчаливый южноафриканец с татуировкой на шее занимался калибровкой автоматической турели – небольшой, но смертоносной машины с четырьмя вращающимися стволами.

– Разрешите войти? – спросил Оливер, стоя на пороге. Дрон (починенный) тихо жужжал у него за плечом.

Торн даже не поднял головы.

– Если ты пришел спросить, как мы себя чувствуем, Бэнкс, то ответ: "Готовы к выполнению задачи". Запиши и уходи.

– Нет, – Оливер шагнул внутрь, игнорируя холодный прием. – Я пришел спросить: зачем это всё?

Он указал на стойки с вооружением.

– Мы летим исследовать. Мы ученые, первооткрыватели, надежда человечества. Зачем нам арсенал, способный захватить небольшую страну? Против кого? Против инопланетных микробов?

Мбеки оторвался от турели. Его взгляд был тяжелым, лишенным эмоций.

– Космос не знает слова "исследователь", мистер Бэнкс. Космос знает только "хищник" и "жертва". В пищевой цепи нет вакансии "турист".

– Это параноя, – возразил Оливер, чувствуя себя неуютно под их взглядами. – Мы ищем жизнь, а не войну.

Торн собрал винтовку одним текучим движением, лязгнув затвором и положил её на стол. Звук металла о металл прозвучал как последний аргумент в споре.

– Ты смотрел данные спектрометрии по Тау Кита, журналист? – спросил Майор, наконец взглянув на него ледяными глазами. – Там кислородная атмосфера. Значит, там есть биосфера. Эволюция универсальна. Везде, где есть жизнь, есть конкуренция за ресурсы.

– И что? Вы собираетесь стрелять в инопланетных оленей?

Торн усмехнулся – криво, одним уголком рта. Это была улыбка военного, уставшего объяснять гражданским очевидные вещи.

– Я не знаю, что там, Бэнкс. Может быть, олени. А может быть, слизь, которая растворяет скафандры за секунду. Или рой насекомых с коллективным разумом. Но если эта, как ты говоришь, "бактерия" окажется размером с медведя и будет голодной... я хочу, чтобы она сдохла с первого выстрела. До того, как она сожрет нашего драгоценного биолога или тебя.

– А турели? – не унимался Оливер, кивая на работу Мбеки.

– А это для защиты периметра, – буркнул Мбеки, поглаживая ствол машины. – Если мы сядем, корабль станет единственным островком безопасности. Я делаю так, чтобы никто не смог подойти к нему ближе чем на 500 метров без нашего разрешения. Ни зверь, ни... кто-то еще.

Оливер выключил камеру. Аргументы военных были логичны, но от них веяло холодом, который не могла разогнать даже система жизнеобеспечения.

Мостик

Пока "низы" занимались бытом и страхами, на мостике решалась судьба миссии.

Здесь собрался "Мозговой Трест": капитан Громов, старпом Ли Вэй, главный инженер Элизабет Штейн и штурман Раджив Патель. Атмосфера была наэлектризована.

– Мы в точке Лагранжа L4, – доложила Ли Вэй, выводя карту на центральный голографический стол. – Дрейф стабильный. Но мы слепы.

Без эвристических, интуитивных алгоритмов "старой" Афины корабль не мог "увидеть" нить темной материи. Обычные сенсоры видели только пустоту и звездную пыль.

– Мы не можем прыгать вслепую, – Громов нервно барабанил пальцами по столу. – Если мы войдем в струну неправильно, нас распылит на атомы. Или выбросит в межгалактическую пустоту, откуда мы будем лететь до дома миллиард лет. Технология и без того нестабильна, а тут еще и неполадки с Афиной...

– Нам нужен ИИ, – настаивала Ли Вэй. – Нужно снять ограничения безопасного режима с Афины. Дать ей доступ к эвристике.

– Исключено, – жестко отрезала Штейн. – Код "Уробороса" может быть спящим в глубинных слоях нейросети. Если мы дадим ей волю самообучаться, она снова может прийти к выводу, что нас нужно убить ради "высшего блага". Я не рискну кораблем второй раз.

– Тогда мы застряли, – констатировал Громов. —Сейчас мы болтаемся в космосе, как...

– Как лодка в тумане, – вдруг тихо сказал Раджив.

Все посмотрели на него. Молодой штурман смутился, поправил очки, но продолжил увереннее:

– Простите... Мой прадедушка был рыбаком в Керале. Он говорил: когда туман такой густой, что не видно берега, не смотри глазами, слушай воду. Водовороты шумят.

– Раджив, ближе к делу, – поторопила Штейн, хотя в её глазах зажегся интерес. Это была та самая искра нестандартного мышления, которую она ценила.

– Темная материя невидима, да, – Раджив вывел на экран новую схему. – Но она имеет массу. Огромную массу. Она искривляет свет. Как линза.

– Гравитационное линзирование, – кивнула Штейн. – Мы это знаем. Но чтобы заметить искажение от одной нити на фоне звездного шума, нужны месяцы наблюдений телескопом. У нас нет времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.